

ДЖЕЙМС ХИЛТОН

Автор книг "Потерянный горизонт" и "Прощай, мистер Чипс"

СЛУЧАЙНЫЙ УРОЖАЙ

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И ПАМЯТИ

Фильм «Случайный урожай» (1942) по роману
Джеймса Хилтона получил 7 номинаций на премию «Оскар»

Джеймс Хилтон

Случайный урожай

Серия «Оскароносные книги», книга 2

<https://litres.ru/74256619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман Джеймса Хилтона «Случайный урожай» — один из самых известных романов XX века о любви, потере памяти и обретении себя заново. Хилтон, автор всемирно любимого «Прощай, мистер Чипс», создал историю, которая с момента первой публикации в 1941 году переиздаётся поистине миллионными тиражами во множестве стран мира и переведена на десятки языков. Уже в 1942 году по роману был снят одноимённый голливудский фильм с Рональдом Колманом и Грир Гарсон в главных ролях — картина имела огромный успех у публики и получила семь номинаций на премию «Оскар», включая номинации за лучший фильм, лучшую режиссуру и лучшую мужскую роль. История бизнесмена Чарльза Райнера, потерявшего память после контузии на фронте Первой мировой войны и заново выстраивающего свою жизнь, не подозревая, что где-то в прошлом осталась женщина, которую он любил и продолжает искать, сам того не понимая, — трогает читателей

вот уже более восьмидесяти лет. Это книга о том, что настоящая любовь способна пережить даже забвение.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	87
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Джеймс Хилтон

Случайный урожай

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утром одиннадцатого ноября 1937 года, ровно в одиннадцать часов, какой-то доброжелательный любопытный взглянул на часы и громко объявил время, в результате чего все мы в вагоне-ресторане были вынуждены отложить напитки и газеты и провести две минуты молчания, смущенно глядя друг на друга или в окно. Не то чтобы кто-то хотел проявить неуважение — просто в быстро движущемся поезде мы не знали правил поведения и поэтому предпочли бы вообще не вести себя подобающим образом. Во всяком случае, именно в эти напряженные, тревожные секунды я впервые обратил внимание на мужчину напротив. Темноволосый, стройный и строго привлекательный, ему было, наверное, лет сорока или около сорока пяти; от него исходила аура процветающего респектабельного человека, которая хорошо сочеталась с его аккуратной, но сдержанной стандартной одеждой. Я не мог догадаться, пересел ли он изначально из вагона третьего или первого класса. Полмиллиона англичан такие. Их неприметная безупречность почти сводится к демонстрации скрытности.

Когда он выглянул в окно, я заметил, как что-то произошло с его глазами — взгляд сменился на пристальное размышление, а затем на пристальный взгляд, внезапное обострение, как у человека, которому показалось, что он на мгновение узнал кого-то в толпе. Тем временем толчок поезда разлил кофе на столик между нами, дав повод извиниться, как только прошло две минуты; я первым выпил, но к тому времени, как он повернулся, чтобы ответить, сосредоточенность исчезла, а его взгляд, полный узнавания, стал неуверенным. Осталось только смущение, и чтобы его смягчить, я прокомментировал пейзаж вересковых пустошей, который действительно был мрачно прекрасен тем утром, потому что за ночь на вершинах лежал снег, и одна из них, двускатная, казалось, двигалась в ногу с поездом, пересекая долину, словно призрачный верблюд. «Это Микл», — сказал я, указывая на него.

К его удивлению, он ответил: «А вы знаете, есть ли между вершинами озеро — совсем небольшое озеро?»

Двое мужчин за столиком напротив тут же вмешались, как это часто бывает, с болтливостью тех, кто подслушивает вопрос, заданный другому человеку. Думаю, ими также двигало общее желание успокоить эмоциональный кризис, потому что весь вагон-ресторан вдруг наполнился болтовней. Один сказал, что такое озеро ЕСТЬ, если его вообще можно так назвать, но на самом деле это скорее болото; а другой сказал, что никакого озера вообще нет, хотя после сильного дождя

там может быть «немного сыро», и тогда первый согласился, что, возможно, это так, и вскоре выяснилось, что, хотя они оба были из Дербишира, ни один из них не поднимался на Микл с детства.

Мы вежливо выслушали все это и поблагодарили их, обрадовавшись, что дело закрыто. Больше ничего не говорилось, пока они не сошли с поезда в Лестере; тогда я наклонился через стол и сказал: «С местными жителями спорить бесполезно, иначе я бы сам ответил на ваш вопрос — потому что вчера я был на вершине Микла».

В его глазах снова появился блеск. «А вы кем были?»

«Да, я один из тех эксцентричных людей, которые круглый год ради удовольствия занимаются альпинизмом».

«Значит, вы видели озеро?»

«Там не было ни озера, ни болота, ни каких-либо признаков того или иного».

«Ах...» И блеск погас.

«Вы выглядите разочарованным?»

«Ну, нет, вряд ли. Возможно, я думал о другом месте. Боюсь, у меня плохая память».

«В горы?»

«И для имён тоже. Микл, ты сказал, что это так?» Он произнёс это слово так, словно пытался произнести его по-настоящему.

«Это местное название. Оно не настолько важно, чтобы его отображать на картах».

Он кивнул, а затем, довольно демонстративно, показал газету, охватывающую несколько английских графств. Вид марширующих по дороге в Бедфордшире солдат послужил поводом для следующего обмена репликами — мы затронули тему Гитлера, европейской ситуации, вероятности войны и так далее. Это привело к моему вопросу, участвовал ли он в последней войне.

«Да.»

«Значит, есть вещи, которые вы хотели бы забыть?»

«Но я — да и ОНИ — в какой-то степени», — добавил он, словно пытаясь увести разговор от себя: «Полагаю, вы были слишком молоды?»

«Слишком молод для последнего, но не для следующего, судя по тому, как развиваются события».

«Никто не будет слишком молод или слишком стар для следующего раза».

Тем временем дальше по вагону раздавались мужские голоса, говорящие об Ипре и Галлиполи; я обратил на него внимание и заметил, что тысячи других англичан, несомненно, в этот момент вспоминали о своем военном опыте. «Если вы уже забыли свой, вам, вероятно, повезло».

«Я не говорил, что забыл ВСЁ».

Затем он рассказал мне историю, которую я кратко изложу следующим образом: В течение отчаянных месяцев окопной войны во Франции один английский штабной офицер рассудил, что если какой-нибудь шпион, которому нем-

цы научились доверять, предоставит им ложную информацию о крупном наступлении, у него будет больше шансов на успех. Первым шагом было установить добросовестность такого шпиона, и это казалось возможным только в том случае, если позволить ему в течение значительного периода времени предоставлять достоверную информацию. Соответственно, в течение нескольких недель до запланированного наступления небольшие отряды ползли по нейтральной полосе ночью, в то время как немецкие пулеметчики, получив информацию о времени и месте, уничтожали их с большой точностью. Один из этих обреченных отрядов командовал юношей, который, записавшись в армию в начале войны, только начал свой первый срок на передовой. По-донкихотски стремясь привести своих людей к сказочной победе, он вскоре обнаружил, что его менее вдохновляющей задачей было сопровождать нескольких раненых и умирающих выживших в воронку от снаряда, расположенную так близко к вражеским окопам, что он мог подслушивать обрывки немецких разговоров. Довольно хорошо зная язык, он связал услышанное с тем, что ранее подслушал в блиндаже своего командира; таким образом, вскоре он смог разгадать всю интригу заговора и контрзаговора. Это стало для него дополнительным потрясением, когда он лежал там, наполовину утопая в грязи, бредя от боли в раздробленной ноге и испытывая тошноту от созерцания гораздо больших страданий своих товарищей. Перед рассветом над ним пронесся снаряд и разорвался в

нескольких метрах, убив остальных и ранив его в голову так, что он больше ничего не видел, не слышал и не мог думать.

«Что с ним случилось потом?»

«О, он довольно хорошо восстановился — за исключением частичной потери памяти... Он всё ещё жив. Конечно, если подумать логически, всё это было так же оправдано, как и любая другая стратегия военного времени. Главная цель — сорвать коварные уловки противника. Всё, что помогает в этом, — это правильное решение, даже если оно само по себе кажется немного коварным».

«Вы говорите это с оборонительной позицией, как будто вам нужно постоянно себя в этом убеждать».

«Интересно, правы ли вы?»

«Интересно, вы тот, кто ещё жив?»

Он немного поколебался, а затем с уклончивой улыбкой ответил: «Не полагаю, вы бы мне поверили, даже если бы я сказал „нет“». Я оставил это без комментариев, и после паузы он продолжил: «Любопытно осознавать, что смерть была спланирована ОБЕИМИ сторонами — это придает дополнительный колорит жизни, которую удалось ускользнуть, а также определенную иронию настроению, в котором человек носит награду».

«Так мне и следует себе представить».

Я ждал, что он что-нибудь ещё скажет, но он нарушил долгое молчание, позвал официанта и заказал виски с содовой. «Выпьете со мной?»

«Нет, спасибо.»

«Вы не пьёте?»

«По утрам это случается не очень часто».

«Я тоже, как правило. На самом деле, я почти совсем не пью».

Мне казалось, что эти пустяковые разговоры были попыткой скрыть внутреннее напряжение, которое он пытался преодолеть. «Вернёмся к тому, о чём вы говорили», — наконец уговорил я, но он перебил: «Нет, давайте НЕ будем к этому возвращаться — нет смысла снова и снова поднимать эти вопросы. К тому же, всем так надоела последняя война и так страшно от следующей, что поднимать этот вопрос стало почти социальной неловкостью».

«За исключением одного дня в году — а именно сегодня. Тогда все табу снимаются».

«Благодаря довольно театральному приёму с двухминутной минутой молчания?»

«Да, и „спасибо“ — это правильно. Нам, англичанам, безусловно, нужно какое-то облегчение от тирании невозмутимости».

Он улыбнулся, глядя в свой напиток, когда официант поставил его перед ним. «Значит, вы считаете, что это не причинит вреда — раз в год?»

«Напротив, я думаю, это очень полезное очищение от наших обычных — то есть, наших НЕНОРМАЛЬНЫХ — национальных ограничений».

Ещё одна улыбка. «Возможно, если вам нравится жаргон психоаналитика».

«По всей видимости, вы этого не понимаете».

«Извините. Если вы один из них, я приношу свои извинения».

«Нет, меня просто интересует эта тема, вот и всё».

«Вы когда-нибудь изучали это всерьез?»

Я сказал, что знал, и это было правдой, поскольку я написал несколько статей на эту тему для Философского общества. Он кивнул, а затем снова прочитал текст на протяжении нескольких десятков миль. Поезд ехал быстро, и когда он в следующий раз поднял глаза, ему показалось, что все, что он еще хотел сказать, нужно было сказать в спешке; мы уже проносились мимо длинных рядов пригородных садов. Он внезапно продолжил, с оттенком прежнего рвения: «Хорошо, послушайте вот что — и не смейтесь... возможно, вам это понравится... Иногда у меня возникает ощущение — если это не слишком абсурдно так говорить — что я НАПОЛОВИНУ КТО-ТО ДРУГОЙ. Какая-то случайная мелочь — мелодия, запах, имя в газете или взгляд чего-то или кого-то — напомнит мне об этом всего на секунду, и все же у меня нет времени понять, о чем именно это мне напоминает — это своего рода обрывок воспоминания, который невозможно уловить, прежде чем он исчезнет... Например, когда я увидел эту гору сегодня утром, я почувствовал, что был там — я почти ЗНАЛ, что был там... Я видел это озеро между

вершинами — да я же в нем купался — там была скала, торчащая, как трамплин для прыжков в воду, — и в тот день, когда я был там, я заснул в тени и проснулся на солнце... но, полагаю, мне придется поверить во все это». Ничего подобного не происходило, просто потому что вы говорите, что там вообще нет озера... Вам всё это кажется полнейшей чушью?

«Ни в коем случае. Это не редкость».

«А, неужели?» Он выглядел слегка расстроенным, возможно, лишенным утешения от осознания того, что он не уникален.

«Данн говорит, что это из-за полузабытого сна. Вам следует прочитать его книгу «Эксперимент со временем». Он утверждает — это, конечно, очень упрощенное изложение его теории, — что сны **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** предсказывают будущее, только к тому времени, как они сбываются, мы их забываем — всё, кроме вашего ускользающего обрывка воспоминаний».

«Значит, мне когда-то приснилась эта гора?»

«Возможно. Это интересная теория, даже если её нельзя доказать. В любом случае, ваши ощущения вполне нормальны».

«Я не считаю, что мое состояние в целом нормальное».

«Вы хотите сказать, что это начинает вас беспокоить?»

«Возможно, иногда — в каком-то смысле — да». Он добавил с нервной улыбкой: «Но это не повод для того, чтобы

я беспокоил ВАС. Я могу лишь сослаться на этот единственный раз в году повод — избавление от комплексов, не так ли? Давайте поговорим о чем-нибудь другом — о крикете — о тестовом матче... Интересно, что будет с Англией...?»

«Почему-то сегодня это звучит не как разговоры о крикете».

«Я знаю. После молчания остаются какие-то намёки... но на самом деле я просто хотел доказать, что я не полный псих».

«В большинстве людей есть доля безумия. Это прости-тельно».

«При условии, что они не будут применять это к незнакомцам».

«Почему бы и нет, если вы чувствуете, что хотите?»

«Я не хочу — по крайней мере, осознанно».

«Значит, неосознанно. Что делает ситуацию ещё хуже. Хотя в вашем случае это не звучит очень серьёзно».

«Вы так не думаете? Вы не считаете, что эти... э-э... особенности памяти... — это... что-то, о чём стоит беспокоиться?»

«Раз уж вы спросили, позвольте мне быть предельно откровенным?»

«Конечно.»

«Я не знаю, чем вы занимаетесь, но не кажется ли вам, что в последнее время вы переутомляетесь — вам не хватает отдыха и расслабления?»

«Мне не нужен психоаналитик, чтобы это сказать. Мой врач говорит мне это каждый раз, когда я к нему прихожу».

«Тогда почему бы не последовать его совету?»

«Вот почему». Он вытащил из кармана жилета небольшой блокнот. «Так уж получилось, что я живу в том, что можно условно назвать общественной жизнью, — а это значит, что я нахожусь на своего рода беговой дорожке, с которой не могу сойти, пока она не остановится, — и она не остановится». Он перевернул страницы. «Просто чтобы показать вам — примерный день из моей жизни... Вот, можете прочитать — он напечатан». Он добавил, когда я взял блокнот: «Моя секретарша — очень аккуратная. ОНА не даёт мне ничего забыть».

«Но она не умеет писать слово „археологический“».

«Зачем ей это?» Он выхватил книгу обратно для внимательного изучения, и у меня возникло ощущение, что он был рад такому поводу и решил оставить ее себе. «Калдерберийское археологическое и историческое общество?... О, это мои избиратели — я должен показать им резиденцию — всякие путеводители — ужасно скучно... это сегодня днем. Сегодня вечером у меня прием в посольстве; завтра заседание совета директоров, обед, а вечером я приглашенный докладчик на ужине в Кембридже».

«Похоже, сократить можно только завтрашний обед».

«В любом случае, я так и сделаю — даже если это будет у меня дома. Там будет толпа писателей, актеров и титулован-

ных людей, которые сочтут меня угрюмым, потому что я не стал бы разговаривать с ними так же свободно, как сейчас разговариваю с вами».

Я мог в это поверить. До сих пор он не пытался обмениваться именами, и я догадался, что для него анонимность была не только стимулом к разговору, но и искушением раскрыться почти до саморазоблачения. И в том, как он позволил мне взглянуть на его книгу помолвок всего на несколько секунд, было какое-то озорное возбуждение, словно дразня меня намеками на личность, которую он не хотел и не собирался раскрывать, была какая-то озорная игривость. Мужчины, для которых сдержанность — часть хорошего вкуса, обладают фантастическими способами иногда ускользнуть от внимания, и я был бы последним, кто стал бы смущать интересного попутчика, если бы он не добавил, когда поезд начал тормозить на станции Сент-Панкрас: «Что ж, это была приятная беседа. Когда-нибудь — кто знает? — мы можем снова встретиться».

Произнесенное так, будто он отчасти искренне это имел в виду, замечание лишь подчеркнуло другую сторону, в которой он вовсе не имел в виду ничего плохого; и это, поскольку он мне уже нравился, раздражало меня в ответе: «Если завтра вечером ужин у Свитина, то лучше представиться сейчас, чем тогда, потому что я тоже там буду. Меня зовут Харрисон. Я в организационном комитете».

«Да неужели?»

«И я не знаю, какие у вас планы, но после выступления я был бы рад, если бы вы поднялись ко мне в номер и выпили кофе».

«Спасибо», — пробормотал он с внезапной мрачностью, собирая газеты и портфель. Затем, полагая, он понял, что было бы бессмысленно, а также невежливо, отказывать в имени, которое я неизбежно узнаю так скоро. Он приберег его напоследок, не улыбаясь, прежде чем вскочить на платформу. «Меня зовут Райнер... Чарльз Райнер».

* * *

На следующий день, когда я встретился с Райнером, он довольно холодно кивнул. В вечернем наряде и с внушительным набором наград он выглядел тем, кем и был — почетным гостем, готовым исполнять свои обязанности с той апатией, которая так эффективно маскирует британскую манеру поведения, свойственную авторитетам. Не обязательно аристократическую манеру. Я уже проверил его в справочниках и обнаружил, что он сын довольно длинной династии фабрикантов — никакой аристократической крови, никакого титула (я задавался вопросом, как ему это удалось), выпускник частной школы второго сорта, член парламента от надежного консервативного графства. Я также упоминал его имя несколькими знакомым; общее впечатление было таково, что он богат и влиятелен, и что мне повезло такой случай-

ной встрече. Однако он не принадлежал к небольшой группе известных личностей, узнаваемых обычным человеком либо вживую, либо в карикатурах Лоу. Напротив, казалось, он не стремился и не привлекал к себе внимания широкой публики, но и не отталкивал её настолько явно, чтобы отступить назад; словно он намеренно старался оставаться незаметным. Один журналист сказал мне, что его будет трудно сделать газетным героем, потому что его личность была «центростремительной», а не «центробежной»; я не совсем понимал, что это значит, но справочник «Кто есть кто» недвусмысленно намекнул, что его увлечения — альпинизм и музыка.

В целом, я получил довольно много информации, но особого просвещения не получил; я надеялся на большее от второй встречи и отправился в Кембридж в настроении значительного предвкушения. У секретаря и комитета Общества Свитина был обычай принимать гостей в неформальной обстановке перед обедом в Колледж-холле; поэтому мы сначала собрались в Объединенной комнате, где представились друг другу, выпили херес и обменялись светскими беседами. Действительно трудно понять, что сказать уважаемым людям при первой встрече — то есть трудно придумать достаточно непринужденную беседу, свободную от высокомерия. Райнер, например, недавно попал в финансовые новости в связи с предлагаемым слиянием цементных компаний, сложной задачей, переговоры по которой все еще продолжа-

лись; но невозможно было спросить: «Как продвигается ваше слияние?» так же, как можно спросить: «Как ваши хризантемы?» человеку, которого знаешь как увлеченного садовода. Вскоре, к моему облегчению, прибыли другие гости, которых мне нужно было обслужить, и прошло, наверное, четверть часа, прежде чем я увидел, как он пробирается ко мне сквозь толпу. «Извините, — начал он, — но я должен вас подвести — ужасная зубная боль — где ближайший дантист?» Я как можно незаметнее выпроводил его, и у двери такси получил от него обещание вернуться на ужин, если он будет в состоянии. Затем я вернулся и объяснил гостям, что произошло. Почему-то это звучало не очень убедительно, и никто из нас особо не ожидал его снова увидеть. Но мы увидели. Час спустя он занял освободившееся место за главным столом и как раз успел ответить на тост одной из лучших послеобеденных речей, которые я когда-либо слышал. Возможно, избавление от физической боли в сочетании с атмосферой Кембриджа, с ее смешением традиционалистской формальности и юношеского задора, соответствовали настроению, в котором он начал с шуток о зубной боли и закончил несколькими изящными комплиментами колледжу и университету. Среди прочего, я помню, как он вспоминал, что в студенческие годы мечтал всю жизнь прожить в Кембридже, в качестве какого-нибудь преподавателя (смех), но какого именно — он так и не решил (смех), потому что судьба призвала его стать каким-то бизнесменом-по-

литиком, но даже в этом плане он еще не до конца определился (еще больше смеха)... «Поэтому из-за этой фундаментальной нерешительности я все еще надеюсь, что когда-нибудь отброшу заботы слишком многих предприятий и буду искать спокойствия комнаты с видом на внутренний двор и дуб, который можно использовать против всего мира». (Продолжительный смех, к которому присоединился выступающий.) После того, как он закончил, мы все громко зааплодировали, а затем, расслабившись, Мы пили, спорили и провели вечер в лучших традициях Свити́на; когда роман наконец закончился, сам Райнер спросил, остается ли в силе мое приглашение на кофе.

«Конечно же, я только думал, что после визита к стоматологу ты почувствуешь...»

«Мой дорогой мальчик, никогда не пытайся представить, что я чувствую».

Но, говоря это, он улыбнулся, и я понял, что он простил не столько меня, сколько себя за участие в нашем разговоре в поезде. Несколько друзей отправились в мою комнату неподалеку, где мы сидели и продолжали неформальные беседы. Он снова очаровал нас своей речью, но еще больше — непринужденными манерами и готовностью смеяться и слушать; даже после большинства приятных ночей он все еще оставался, болтал, слушал и курил сигарету за сигаретой. Тогда я не знал, что он плохо спит и любит поздно ложиться спать, что ему нравится молодая компания, шут-

ки и ночные споры, что у него нет снобизма и что публичные выступления, по мнению аудитории, либо делают его очень вялым и апатичным, либо очень возбудимым и разговорчивым. Ближе к трём часам утра, когда мы остались единственными выжившими, я предложил ещё кофе, и он с довольным вздохом опустился в кресло и поставил ноги на каминную полку, словно это место принадлежало ему — что, в некотором смысле, так и было, как и любому человеку из Swithin's со времён правления Елизаветы Основательницы. «Я бывал в этих комнатах раньше — часто. В мое время там бывал человек с обезоруживающим именем Пал — «уроженец Азии или Африки, не европейского происхождения», как тактично уточняют университетские правила. Высокопоставленный индус. Математик — гений в своем деле — интересно, чем он сейчас занимается? — наверное, перегоняет соль из морской воды, или лежит перед поездами, или занимается каким-нибудь другим бесцельным занятием. Говорил, что чувствует алгебру эмоционально — однажды сказал мне, что не может прочесть биномиальную теорему, не заплакав — вся эта концепция, по его словам, была потрясающе прекрасна... Как бы мне хотелось попасть в его мир, так или иначе. И есть другие миры тоже — иногда мне хочется попасть в любой из них, помимо моего собственного».

«Что такого плохого в тебе самом?»

Он защитно рассмеялся. «Вот тут-то вы меня и подловили... Возможно, как вы намекнули вчера, это просто пере-

утомление. Но правда в том, что разговор со всеми вами, молодыми людьми, сегодня вечером заставил меня почувствовать себя ужасно старым и завистливым».

«Не завидуете, правда? Это мы вам завидуем — потому что вы добились успеха в жизни. Мы довольно разочарованные люди, когда перестаём смеяться — мы знаем, что работы хватит разве что меньшинству из нас, если не начнётся война, которая даст нам всем работу, которую мы не хотим».

Он на мгновение задумался над чашкой кофе, а затем продолжил: «Да, это правда — и, вероятно, именно поэтому я чувствую, насколько здесь все по-другому, а не насколько все то же самое, — потому что мои кембриджские дни **БЫЛИ** другими. Война только что закончилась, наша сторона победила, и мы все думали, что победа в великой войне должна что-то значить, либо для того, чтобы сделать нашу жизнь своего рода заслуженным счастливым концом — долгим золотым днем, когда усилия уменьшаются, а награда растет, — либо для того, чтобы дать нам шанс перестроить мир так или иначе. Все зависело от того, устал ли человек или, наоборот, полон энтузиазма после напряжения. Большинство из нас были и тем, и другим — устали от войны и всего, что с ней связано, и стремились двигаться вперед к чему-то новому. Вскоре мы перестали ненавидеть немцев, и так же скоро начали смеяться над мыслью о том, что кому-то настолько небезразлично ужасное прошлое, чтобы задать нам тот знаменитый вопрос на вербовочных плакатах:

«Что вы делали во время Великой войны?» Но даже самые циничные из нас не могли предвидеть того времени, когда единственным логичным ответом на этот вопрос станет другой: «КАКАЯ именно Великая война?»

«На улице Петти-Кьюри над рыбным магазином была комната, где некоторые из нас встречались раз в неделю, чтобы хорошенько поболтать — мы называли себя еретиками, но я не помню ничего из того, что говорилось на этих встречах, так же хорошо, как помню запах рыбы, доносившийся из магазина внизу. А Дж. М. Кейнс читал лекции в художественной школе, вежливо намекая, что Германия, возможно, не сможет выплатить столько миллионов репараций, или это были миллиарды? — в те времена достаточно было придумать какое-нибудь число и поставить после него столько нулей, сколько хотелось. И были Холланд Роуз о Наполеоне, Пигу об убывающей отдаче, а Бьюри все еще объяснял упадок и падение Римской империи, и однажды вечером мы с Пэлом — звучит сентиментально, не правда ли, мы с Пэлом — выстроились в очередь, которая тянулась почти до самого Большого двора Тринити-колледжа, чтобы послушать лекцию какого-то Эддингтона о каком-то новом немецком учёном по имени Эйнштейн, у которого была теория о преломлении света в середине — это вызвало бурные аплодисменты». Конечно же, раздался взрыв смеха — точно такой же, как вы слышали сегодня вечером, только ещё громче — доброе, безобидное студенческое веселье в лучшем его прояв-

лении. А позади нас на стене висел портрет католической Девы Марии, хмуро глядя на эту современную аудиторию, которая насмеялась над наукой не меньше, чем над религией. Еретики, что тут скажешь, — и смеющиеся еретики! Но мой приятель Пэл не смеялся — он был заворожён каким-то экстазом от всего происходящего.

«Я много читал на берегу реки, а также в «Орчарде» в Гранчестере — помните стихотворение Руперта Брука? Брук сегодня исполнилось бы пятьдесят, если бы он был жив — только подумайте... Часы по-прежнему показывают без десяти три, но Руперт Брук опаздывает на чай — прикован к постели ревматизмом или чем-то подобным — вот что бывает с поэтами, когда они не умирают молодыми. Женщина в «Орчарде», которая подавала чай, помнила Брука — она была великолепной старой болтушкой, и, познакомившись с ней поближе, она бесконечно рассказывала о студентах и профессорах прошлого и настоящего — немало историй, смею сказать, я уже забыл, и никто даже тогда не помнил... Мелочи — такие же мелочи, как и то, как я сейчас с вами разговариваю. Это был 1920 год — Кембридж был полон демобилизованных стариков, все еще носивших крашенные офицерские шинели — британские теплые штаны, отправленные в Перт и возвращенные шоколадно-коричневыми — полные...» Среди мужчин все еще встречаются те, кто способен внезапно взбеситься посреди разговора и устроить бунт, или начать хныкать во время грозы — последствия

контузии, понимаете. Многие из нас это переживали, включая меня самого.

«В результате травмы головы, о которой вы упомянули вчера?»

«Полагаю, да».

«У тебя были не очень хорошие времена?»

«Нет, мне повезло — по сравнению с другими, конечно. Но когда тебя взрывают, даже если тебя физически не разносит вдребезги...» Он неловко оборвал себя на полуслове. «Простите. Сегодня уже не День перемирия. Эти признания неуместны».

«Вовсе нет. Мне интересно. Моему поколению так трудно представить, каково это было».

«Не волнуйтесь, вы скоро всему научитесь».

«Сколько времени прошло до вашего спасения?»

«Понятия не имею. Полагаю, я был без сознания».

«Но вы ведь, должно быть, позже пришли в себя?»

«По всей видимости. Я не помню, когда, где и каких-либо подробностей. Но у меня есть основания полагать, что меня взяли в плен».

«Есть основания верить? Это довольно осторожная формулировка».

«Я знаю, но это практически всё, что я могу сказать. Видите ли, я буквально ничего не помню. С того момента, как меня оглушили, моя память совершенно пуста, и так продолжается до тех пор, пока много лет спустя я не оказался ле-

жащим на скамейке в парке в Ливерпуле».

«Спустя годы?»

«Прошло уже почти три года, но, конечно, я сначала этого не знал. И, как назло, день был дождливый». Он улыбнулся. «Вы не считаете мою историю очень правдоподобной?»

«Возможно, если вы расскажете мне всё до конца — без пробелов».

«Но пробелы ЕСТЬ — в этом-то и проблема».

«Что вы делали в Ливерпуле?»

«Повторюсь, понятия не имею. Сначала я даже не знал, что это Ливерпуль. Главное было понять, КТО я — где и когда я был, выяснилось позже довольно легко».

«Вы имеете в виду, что до этого вы использовали другое имя?»

«Возможно. Полагаю, да. Это еще одна вещь, которую я не знаю. Как будто... ну, я иногда так это представлял — в моем сознании были разные комнаты, и как только в одной загорался свет, он тут же гас в другой».

«А что ты сделал, когда понял, кто ты есть?»

«Как поступил бы любой другой человек. Я пошёл домой. Пошарил в карманах и обнаружил небольшую сумму наличными, поэтому купил новый наряд, принял ванну в отеле, а затем отправился на железнодорожную станцию. Всё было так просто, потому что, помимо моего имени, мне без видимых усилий пришлось в голову, что я живу в Стуртоне, что мой отец владеет сталелитейным заводом «Райнер» и все-

ми остальными предприятиями, что у нас есть дворецкий по имени Шелдон, и любые другие подробности, которые я мог вспомнить. На самом деле, я знал о себе всё совершенно нормально до момента взрыва снаряда под Аррасом в 1917 году».

«Ваш отец, должно быть, испытал очень приятный шок».

«Он был слишком болен, чтобы ему это разрешили, но семье все-таки разрешили. Конечно, поскольку меня внесли в списки пропавших без вести, меня давно уже сочли погибшим».

«Это очень примечательная история».

«Слово „замечательный“ выбрано очень удачно. Оно ничего не выдаёт».

Я немного подумал, а затем сказал: «Но ведь у армейских властей наверняка были какие-то записи о вашем возвращении в Англию?»

«Никаких — не под именем Райнер».

«Но разве во время службы не нужно было постоянно носить какой-нибудь диск или что-то подобное?»

«Да, был, но если бы вы когда-нибудь испытали левитацию от мощной взрывчатки, вы бы не стали слишком доверять куску металла, привязанному к шее. Вполне возможно, что немцы не смогли опознать меня, когда взяли в плен».

«Откуда у вас взялось ваше предположение, что вы вообще когда-либо были в Германии?»

«Неужели, если бы меня привели мои собственные люди,

они бы точно знали, кто я?»

«Хм, да, полагаю, так и есть».

После паузы он продолжил: «Я вас нисколько не виню, если вы ни единому слову из всего этого не верите. И хорошо, что вы первый человек, которому я доверился за эти годы — и хорошо для моей репутации трезвого человека». Он рассмеялся с самозащитным цинизмом. «Это был заговор событий, заставивший меня так говорить — День перемирия — наша встреча в поезде — и то, что сказал сегодня вечером дантист, когда я вышел из-под его закиси азота».

«Дантист? Какое он к этому отношение?»

«Он вел вежливую беседу, пока я сплевывал кровь. Среди прочего он спросил: „Значит, вы были пленником в Германии?“ Я спросил, откуда у него такая мысль, и он ответил: „Потому что я заметил, что у вас зуб запломбирован металлическим заменителем, который немецким дантистам приходилось использовать в конце войны“ — видимо, он сталкивался и с другими подобными случаями».

Мы помолчали немного. Я услышал первые шаги утреннего транспорта на Кингс-Парад. Райнер тоже это услышал и, как по сигналу, встал, чтобы ехать. «Странное дело, война. Англичане точно сказали немцам, где я нахожусь, чтобы те могли меня убить... потом немцы почти убили меня, перевязали и позаботились о моих зубах... после чего англичане наградили меня медалью за проявленную, как они это называли, «выдающуюся храбрость на поле боя». Он потро-

гал ее за лацкан и добавил: «Я ношу ее на таких мероприятиях, как это, вместе с самым благородным орденом чего-то там, который греки наградили меня за организацию займа под залог их урожая смородины в 1928 году». Он начал надевать пальто, не обращая внимания на мои заверения, что спешить некуда и что я сам часто не сплю до рассвета. «Пожалуйста, не беспокойтесь о том, чтобы провожать меня — я приму ванну в отеле и успею на первый поезд».

По пути через всю комнату он остановился у моих книжных полок и спросил, какие трипо я собираюсь использовать.

«Экономика. Первую часть курса истории я изучал в прошлом году».

«Правда? Я делал то же самое, когда был здесь. Но при чем тут психоанализ?»

«А, это всего лишь побочный бизнес».

«Понятно. Есть какие-нибудь планы на время вашего отъезда?»

«Я бы хотел стать журналистом».

Он кивнул, пожимая руку у двери. «Что ж, у меня есть несколько контактов на Флит-стрит. Напишите мне, когда будете готовы к работе — возможно, я смогу вам чем-нибудь помочь».

* * *

В начале следующего года я получил докторскую степень

и начал искать должность, которая, как мне тогда казалось, должна была легко достаться любому талантливому молодому человеку, написавшему двухсотстраничную диссертацию на тему «Влияние Вольтера на английских экономистов, придерживающихся принципа невмешательства государства в экономику». Кембридж считал это достойным докторской степени; однако никто на Флит-стрит не считал это достойной постоянной работы. У меня был очень скромный личный доход, и поэтому я мог позволить себе выпрашивать отрывки высокоинтеллектуальных рецензий в некоторых из самых известных и бедных еженедельников, считая себя хорошо оплачиваемым, если сами книги были дорогими и могли быть проданы за большие деньги мистеру Ривзу со Стрэнда; но газетный мир в то время был полон журналистов, оставшихся без работы из-за слияний, и шансы попасть в штат какой-либо из крупных ежедневных газет были невелики. Конечно, я помнил предложение Райнера, но, помимо моего нежелания беспокоить его, он был за границей — в Южной Америке по каким-то финансовым делам. Но к тому времени, как он вернулся, я уже достаточно часто разочаровывался, чтобы почувствовать, что должен поверить ему на слово. Он мгновенно ответил на мое письмо, пригласив меня на обед на следующий день.

Так я совершил свою первую поездку в Кенмор. «Рядом с пабом «Конец света»», — говорила Райнер, и среди некоторых гостей было модно представлять, что это находится

на самом краю света, если не за его пределами — под этим сверхъестественным смыслом понималась та часть Лондона, до которой можно добраться на обычном такси. Я поехал на автобусе, который довез меня до угла улицы, и до него оставалось всего около ста метров пешком. Я понятия не имел, насколько примечательными, если не сказать скандальными, были эти обеды в Кенморе; действительно, поскольку приглашение пришло так быстро, я очаровал себя видениями уютной компании из четырех человек, состоящей из хозяина и хозяйки, возможно, с каким-нибудь магнатом прессы, специально вызванным на встречу со мной. Тогда я не знал, что миссис Райнер устраивала обеды для десяти или двенадцати человек два или три раза в неделю, заманивая каждую временную или постоянную знаменитость на встречи с другими временными или постоянными знаменитостями в своем доме, и что об этих мероприятиях так же часто шутили, как и редко отказывались. По сути, она выполняла роль своего рода связующего звена между обществом и богемой, бросая меценатские взгляды на безденежных, но обаятельных молодых людей; и хотя нет такой социальной службы, за которую я бы с меньшей готовностью взялась сама, мало какие я уважаю больше, когда их компетентно выполняет кто-то другой.

Пытаясь вспомнить впечатления от первого приезда, я никак не могу вспомнить миссис Райнер. Она там была, должно быть, была; но она была так занята знакомством, что не смогла сказать мне больше нескольких слов, и то совершен-

но неважных. Я немного опоздал и оказался в гостиной, полной посвященных, все они оживленно разговаривали и, как мне показалось (совершенно безосновательно, конечно), были недовольны вторжением незнакомца, который не написал ни одного запрещенного романа и не совершил невероятно короткий перелет. Я говорю это потому, что один из гостей **НАПИСАЛ** такой роман, а другой **СОВЕРШИЛ** такой перелет, и мне выпала судьба сидеть между ними, пока они разговаривали либо со своими соседями, либо друг с другом через меня. Во главе стола было свободное место, и вскоре из общего разговора я понял, что Райнер часто опаздывал, а иногда и вовсе не приезжал, так что его никогда и не ждали. Я уже списал всё это дело со счетов как довольно бесполезную и скучную затею, когда гости встали, поспешно попрощались и бросились к ожидающим машинам и такси. (Обеды у миссис Райнер всегда были такими — ровно в час пятнадцатого до часа двух пятнадцатого, и не слишком много напитков, чтобы не тратить весь день впустую.) Как раз когда я следовал за толпой, чьё-то прикосновение к моей руке сопровождалось шёпотом: «Останьтесь на минутку, если вы никуда не спешите».

После того, как остальные ушли, миссис Райнер провела меня на несколько шагов обратно по коридору. «Я не совсем расслышала ваше имя...»

«Харрисон».

«О да... Вы друг Чарльза — жаль, что он не смог приехать,

сейчас он очень занят.»

Я пробормотал что-то невнятное, вежливое и призванное успокоить.

«Жаль, что у людей, способных пролететь полмира, нет никаких манер», — продолжила она, а я ответил: «Ну, я полагаю, немало людей обладают манерами, но не смогли бы пролететь полмира».

«Но хорошие манеры гораздо важнее», — возразила она. «Скажите мне... что... э-э... то есть, вы... дайте подумать... ХАРИСОН...»

Я улыбнулся — внезапно и довольно непонятно, почувствовав себя с ней непринужденно. «Вы пытаетесь вспомнить Харрисона, который что-то написал, женился на ком-то или где-то побывал», — сказала я. «Но это пустая трата времени — я не ТОТ Харрисон, даже если он существует. Я просто — если я вообще могу так себя назвать — журналист».

«О... тогда вы обязательно должны прийти снова, когда у нас будут по-настоящему ЛИТЕРАТУРНЫЕ вечеринки», — ответила она с таким рвением, которое показалось мне очаровательным, хотя, вероятно, и неискренним. Я пообещал, что приду, с таким же рвением, и с твердым намерением избегать ее по-настоящему ЛИТЕРАТУРНЫХ вечеринок как чумы. Затем я пожал ей руку, вышел из дома и в автобусе, возвращавшемся на Флит-стрит, вдруг осознал, что с одной стороны, это был очень хороший обед. Я никогда не пробо-

вал яиц Морне лучше.

На следующий день после обеда позвонил Райнер, принося множество извинений за свое отсутствие на обеде, и хотя этот вопрос вряд ли был для него важен, мне показалось, что в его словах прозвучала искренность. «Полагаю, вы не очень хорошо провели время», — сказал он, и прежде чем я успел ответить, продолжил: «Я тоже не в восторге от мафии, но Хелен — прирожденная хозяйка, почти такая же хорошая, как американка, она может запомнить двадцать новых имен подряд и никогда не ошибется».

«Она меня не приняла. На самом деле было совершенно очевидно, что она меня совсем не знает».

«Полагаю, это моя вина. Наверное, я забыл ей сказать».

«Значит, совершенно незнакомый человек может зайти к вам домой и бесплатно пообедать?»

«Они постоянно так делают — хотя большинство из них получают приглашения... Послушайте, если вы сейчас не заняты, почему бы вам не зайти к нам в дом на чай?»

Я сказал, что соглашусь, и снова сел на автобус до Челси. Но в Кенморе горничная сказала мне, что Райнер не был дома с утра и, случайно, никогда не пил чай дома; и как раз в этот момент, пока мы спорили на пороге (я настаивал, что меня пригласили меньше двадцати минут назад), миссис Райнер подошла сзади и начала смеяться. «Он имел в виду Палату общин», — сказала она, проходя в холл. «Лучше пусть меня отвезут туда на машине».

Удивительно, насколько глупым можно быть, когда хочешь произвести впечатление своими знаниями. Я прекрасно знал, что Палата общин, наряду с фондовой биржей и Крайст-Черч в Оксфорде, называется «Палатой», и всё же, когда Райнер произнёс это слово по телефону, я подумал только о Кенморе. Большую часть пути до Вестминстера на почти агрессивно-неброском Daimler (настолько безликом, что можно было поверить, будто он входит в автопарк похоронного бюро) я проклинал свою ошибку как плохую рекомендацию для любой работы. Я боялся, что меня может ждать Райнер, и обрадовался, когда, отправив своё имя, мне пришлось полчаса коротать время, пока полицейский не провёл меня по извилистым коридорам на террасу, где Райнер тепло меня поприветствовал. Но его внешний вид был несколько смущающим; во время разговора у него дёргались губы и глаза, и создавалось общее впечатление сильной нервной энергии, отчаянно нуждающейся в расслаблении. За чаем он рассказывал о своей поездке в Южную Америку, слишком скромно предполагая, что я ничего об этом не читал в газетах. Вскоре прозвенел звонок, и только когда мы поспешили через Куриную комнату, он затронул вопрос, о котором я на самом деле узнал. «Я расспрашивал многих людей после того, как получил ваше письмо, Харрисон, но, похоже, сейчас на Флит-стрит ничего не происходит».

«У меня тоже был подобный опыт».

«Поэтому я подумал, не возьмёте ли вы на себя работу

секретаря, пока не найдёте другую работу?»

Я об этом раньше не задумывался, и, возможно, моя нерешительность выдала мое разочарование.

Он, похлопав меня по руке, сказал: «Ну, в любом случае, подумай. До этого у меня была девушка, но через несколько недель она выходит замуж — времени достаточно, чтобы показать тебе все тонкости... если, конечно, тебе вообще понравится эта работа...»

* * *

Так я стала секретарем Райнера, и мисс Хоббс показала мне все тонкости дела. Называть ее девушкой было лестно. Она была худой, краснолицей, средних лет, и так боготворила Райнера, что ни один муж не мог надеяться получить от нее хоть какие-то эмоции; на самом деле, мне казалось, что возможность выйти замуж соблазняла ее скорее потому, что она боялась, что это может быть ее последний брак, чем потому, что она была уверена, что хочет его. Она намекнула на это во время нашей первой встречи. «Я почти чувствую, что бросаю ЕГО», — сказала она, и ударение на слове «его» было показательным. Затем, показывая мне, как она сортирует его корреспонденцию, она добавила: «Я так рада, что у него не будет другой леди-секретаря. Я бы боялась, что сюда придет какой-нибудь ужасный человек и — возможно — повлияет на него».

Я сказала, что не представляла себе Райнер как женщину, на которую могла бы повлиять подобная личность.

«О, но никогда не знаешь, какая женщина может повлиять на мужчину».

Мы продолжили осмотр системы хранения документов. «Главное — убедиться, что он не забывает о своих встречах. Он не ведет большую часть своей переписки здесь — у него есть еще один секретарь в его городском офисе. Так что не будет иметь большого значения, если вы не знаете стенографии и машинописи».

Я сказала, что знаю стенографию и машинопись.

«Ну, тем лучше, конечно. С ним будет замечательно работать — по крайней мере, мне всегда было так, хотя, конечно, мы скорее старые друзья, чем работодатель и секретарь. Я называю его Чарльзом, когда мы наедине. А он всегда называет меня Элси, независимо от того, одни мы или нет. Мы вместе уже почти пятнадцать лет, так что это вполне естественно, не правда ли?»

В течение следующих нескольких часов она рассказала мне свою версию всего «райского треугольника» на горе Райнер. «Конечно, брак никогда не был таким, каким должен быть — осмелюсь предположить, вы можете себе это представить. Миссис Райнер — не та жена, которая подошла бы такому мужчине, как Чарльз. Он так устал от всех этих вечеринок, которые она устраивает, особенно от домашних вечеринок в Стуртоне — это их большая загородная усадьба,

понимаете... у них нет детей — это еще один момент, потому что он очень хотел бы детей, и я не знаю, почему у них их нет, может быть, есть какая-то причина. Когда вы какое-то время поработаете с ним, вы почувствуете, насколько он беспокойный — я виню ее в ЭТОМ — она не дает ему нормального дома — Кенмор — это просто отель с разными постельщиками каждый день. Я думаю, есть только одна комната, в которой он чувствует себя по-настоящему комфортно, и это вот эта — с его бедной маленькой секретаршей, которая вкалывает, пока он курит — и ему тоже не следует курить, так ему сказали... Знаете, он часто запирается в комнате, когда хочет работать, потому что остальная часть дома так заполнена». Там выставлены работы Гойи, Эпштейна и тому подобное, так что люди свободно заходят и выходят из всех комнат, словно из музея. Конечно, там действительно есть бесценные вещи — почему бы и нет? — он дает ей деньги, чтобы она их тратила, и я полагаю, у нее есть вкус — если, конечно, вам НРАВИТСЯ дом, похожий на музей. Иногда я думаю, нравится ли он Чарльзу.

После паузы, во время которой я ничего не сказала, она повернулась к письменному столу. «Чарльз получает сотни писем от совершенно незнакомых людей — о том и о другом, понимаете. Если они оскорбительные, мы не обращаем на них внимания — на самом деле, что бы это ни было, ОН не особо обращает на них внимание, но я открою вам секрет — то, чего он не подозревает и никогда не заподозрит, если

вы ему не расскажете, а я уверена, что вы не расскажете — я всегда пишу небольшую благодарственную записку каждому, кто присылает ХОРОШЕЕ письмо... конечно, я пишу так, как будто он его продиктовал... Я действительно думаю, что хорошая секретарша ДОЛЖНА делать такие мелочи сама, не так ли?»

Я ничего не сказал.

«Честно говоря, если бы он попросил меня остаться, я бы, наверное, согласилась, независимо от того, замужем я или нет — я имею в виду, было бы так трудно ему отказать, — но он слишком хороший и великодушный, чтобы просить. Как только он узнал об этом, он настоятельно попросил меня не откладывать свое счастье ради него, как будто его собственный брак принес ЕМУ счастье... Не то чтобы Чарльза было легко осчастливить, даже если бы у него была подходящая женщина. Но сейчас он не счастлив — это я точно знаю — в его глазах всегда какой-то взгляд, как будто он что-то ищет и не может найти».

В течение двух или трех дней мисс Хоббс продолжала обучать меня премудростям дела; Райнер был в отъезде, в Ланкашире. За это время миссис Райнер несколько раз устраивала обеды, на которые меня не приглашали, хотя я в это время находился в доме, и даже имела честь помочь иностранному уполномоченному лицу, которое плохо говорило по-английски и забрело в кабинет в поисках более скромной квартиры. После этого я лучше понял, почему Райнер иногда запирал

дверь.

Затем он вернулся, предварительно отправив мне телеграмму, чтобы я встретила его поезд на вокзале Юстон. Как только мы нашли такси и выезжали со станции, он спросил, как у меня дела, и добавил, не дожидаясь ответа: «Думаю, вам не составит труда быть таким же хорошим, как ваш предшественник».

Я сказала, что мне, безусловно, следует надеяться на это.

«Значит, вы уже узнали кое-что из того, что мне приходилось терпеть?»

«Да, но не почему вы терпели их столько лет».

«Чисто сентиментально, плюс тот факт, что я всегда испытывал скрытую симпатию к сумасшедшим, да и Элси и так достаточно сумасшедшая. Она работала в Стуртоне во времена моего отца, потом у моего брата, и когда он, естественно, захотел от нее избавиться, никто не смог взять ее на работу, кроме меня. Я сделал ее своим секретарем по светской жизни — потому что в те дни у меня не было никакой личной жизни, и это не имело значения. Но после женитьбы у нее появились светские дела, и она выполняла их с какой-то странной и завораживающей глупостью. Знаете, я узнал, что она пишет длинные письма людям, о которых я никогда не слышал, и подписывает их моим именем?... И кстати, она вам говорила, что я недоволен своей женой?»

«Ну- ...

«Не верьте. Мы с женой лучшие друзья. Полагаю, она

также намекнула, что это брак по расчету?»

Мне показалось, что это слишком сильно компрометирует мисс Хоббс, и я уже собирался дать уклончивый ответ, когда он перебил меня: «Ну, это правда. Я женился на ней, потому что мне казалось, что она как раз тот человек, который сможет превратить уставшего бизнесмена в ошеломляющего победителя. Так и случилось, и она это сделала... Можете ли вы придумать лучшую причину?»

«Как правило, считается, что существует ОДНА более веская причина».

Он внезапно сменил тему, указав в окно на рекламный плакат, на котором буквами высотой в фут было написано: «Крах Англии». В тот момент я почувствовал, что одно из слов мисс Хоббс о нем было правдой — этот взгляд, словно он что-то искал и не мог найти. Он начал говорить быстро и нервно, обращаясь к плакату: «Странно думать, что какой-то иностранец переводит, не зная, что речь идёт только о крикете... именно ваши слова в поезде заставили меня захотеть узнать вас поближе — но на самом деле, в каком-то смысле, это вообще не относится к крикету, а к тому, насколько чертовски мы уверены в себе — вы не можете представить себе ту же фразу на улицах Парижа или Берлина — она бы вызвала панику, беспорядки или что-то подобное... Только подумайте — «Провал Франции» или «Подрыв Германии»... Невозможно... но здесь это ничего не значит, потому что мы не верим, что это когда-либо может произойти

— и это не пустые мечты — это не мечта и не мысль, а своего рода вдыхаемая иллюзия... Напоминает мне последнее пленарное заседание Лондонской конференции, когда было совершенно ясно, что эффективного разоружения не будет ни у кого, и мы все усердно работали над тем, чтобы скрыть провал... Последняя надежда цивилизации, окутанная мешаниной размазанных банальностей... Боже, как я устал, слушая набор слов, которые ничего не значили ни на одном языке, а тем более, когда приходилось ждать переводчика, чтобы он перевел их на два других... и все это время пыльный солнечный свет падал сплошными струями на розовые лысые головы — божества от доверенной им власти и горгульи от того, как я их ненавидел... и все то утро, наполненное застывшим солнечным светом и далеким гулом машин мимо Кенотафа, произошло только одно чистое, но волнующее событие — молодой Дрексел прошептал мне во время вялых аплодисментов: «Видишь того парня в третьем ряду — пятого с конца — Армения или Ирак или где-то еще... но ты когда-нибудь видел кого-нибудь, более похожего на Гарри Тейта?»... И, ей-богу, он БЫЛ похож на Гарри Тейта, и мы с Дрекселом жили этой мыслью до конца сессии — жили ею и жили ею снова и снова. «Наша собственная жалкая фантазия о том, что иностранцы — странные и в лучшем случае забавные существа, вроде комиков из мюзик-холла или учителя французского языка в школе — терпимые, если они музыканты, танцоры или продавцы мороженого, — но опре-

деленно заслуживающие пренебрежения, если они осмеливаются заняться действительно серьезным делом — управлением миром... Смотрите — вот еще один!» Это был более поздний плакат, провозглашавший столь же крупными буквами: «Англия теперь без надежды». Райнер рассмеялся. «Может быть, какой-нибудь придирчивый археолог двадцать пятого века — родственник новозеландца, писавшего зарисовки Маколея, — выкопает это из мусорной кучи и скажет, что это неопровержимое доказательство того, что нас всех заранее хорошо предупредили...» У моей жены сегодня вечеринка?

«Да.»

«Что это за толпа?»

«В основном, это спортивные и драматичные события, я думаю».

«Тогда я поужинаю и переночую в клубе. Боротра — единственный зрелищный спортсмен, который меня интересует, и он, вероятно, не придет».

Он высунул голову из окна такси, сообщив об изменении адреса и попросив водителя ехать медленнее. Я видел, что он нервно взволнован, и уже начинал понимать, что в таком настроении он много говорит, пытаясь ускорить мыслительный процесс — попытка, которая обычно терпела неудачу, оставляя после себя кучу незаконченных предложений, смешанных метафор и неотшлифованных эпиграмм, с кое-где встречающимися фразами, достойными одной из его речей,

но произнесенными так небрежно, что если слушатель не расслышал их в тот момент, сам Райнер уже никогда не смог бы вспомнить их потом. Я пытался передать впечатление от такого рода разговора, но даже самый точный репортаж упустил бы любопытное волнение голоса и жестов, оркестровку каких-то внутренних эмоций, бурлящих под поверхностью. И, как мне казалось, эти эмоции не угасали от усталости, а скорее нарастали до угасающей кульминации, подобно тому как электрический плафон вспыхивает ярче перед последним обрывом нити накаливания. Именно этого я вдруг испугался, и он заметил мой тревожный взгляд.

«Прости, Харрисон, что я такой болтун, но это происходит после публичных выступлений — мне всегда кажется, что я должен использовать оставшиеся слова, или, может быть, те слова, которые я не смог использовать... Полагаю, ты бы назвал меня довольно хорошим оратором?»

Я сказал, что мне это, безусловно, следует сделать.

«И вы, наверное, догадываетесь, что мне это дается легко?»

«Всегда так кажется».

Он рассмеялся. «Вот что даёт практика. Я НЕНАВИЖУ выступать на публике — я всегда втайне боюсь, что расплачусь, начну заикаться или что-то в этом роде. Особенно заикание... конечно, этого никогда не происходит... Кстати, помнишь ту гору в Дербишире, которую, как мне показалось, я узнал?»

«Да.»

«Подобное происходило и в Ланкашире, только не так романтично. Просто дом в ряду. Я помогал Никсону на дополнительных выборах в Броудли — мы проводили встречи на углах улиц, а потом Никсон таскал меня по округе, пожимая руки и целуя младенцев — так его отец попал в парламент Гладстона, и Никсон до сих пор так делает. Признаюсь, я довольно цинично отношусь к выборам — сам вид результатов голосования, когда две строки цифр аккуратно складываются в третью, вызывает у меня такое же раздражение, как и бухгалтерский баланс компании, до последней копейки... чья копейка? Была ли вообще копейка?... Например, мое большинство в Литэмшире — ровно двенадцать, — но кто же были эти двенадцать? Двенадцать хороших и верных людей, может быть, или двенадцать пьяных неграмотных...? Разве вы иногда не чувствуете, насколько все это ЛОЖНО и насколько ложно успокаивает — эта статистическая мишура XIX века точность, как будто исторический потоп может течь ручейками, достаточно аккуратными для полива сада, достаточно безопасными для миллиона кранов в ванных комнатах пригорода... но когда разразится буря, кого будет волновать, если ряды маленьких цифр все еще сходятся — кого будет волновать, если все суммы неверны, если один человек знает правильный ответ?

«Вы говорили о доме».

«О да... Просто обычный четырехкомнатный рабочий

дом — десятки тысяч таких. Холодный день, и пока мы стояли и ждали у двери, я видела яркое желтое свечение огня за кружевными занавесками окна гостиной. В этом тоже ничего необычного, и все же... трудно описать мои чувства, словно этот дом ждал меня — радушно — из зимних сумерек в теплый свет камина... приветствие дома».

В его глазах читалось нетерпение, и я, пытаясь ускорить его рассказ до конца пути, спросил: «Исчезло ли это чувство, когда дверь открыл незнакомец?»

«Я сейчас к этому перейду... Нас было трое: Никсон, я и Рэнсом, местный партийный секретарь, милый маленький человечек. Мы стучали и стучали, но никто не приходил. Потом я увидел, как Рэнсом шарит в кармане. „Не могу вспомнить, где она“, — сказал он, — „но думаю, она скоро вернется“». Тогда я понял, что это ЕГО дом, и что нас пригласили войти. Он нашел ключ, отпер дверь, и мы вошли. Никакого холла или прихожей — сразу в тепло и свет камина. На плите дымился чайник, стояли чашки и блюдца, тарелки с хлебом и маслом. Все было безупречно чисто, мебель блестела, где-то громко тикали часы. Все было так прекрасно, эта теплая маленькая комната. Мужчина все время говорил о своей жене — как она гордилась тем, что пригласила в свой дом на чай двух таких мужчин, как Никсон и я, — такая честь — она никогда этого не забудет — и как ей будет неловко, когда она вернется и застанет нас уже здесь. «Спорю, она уже за углом купила нам дандийский пирог», — засмеялся он.

Но со временем он сам начал немного смущаться и вскоре предложил нам самим выпить чаю, не дожидаясь его жены. Так мы и сделали — я сел в кресло-качалку у камина, и пламя... Они все еще так ярко сверкали, что нам не понадобился никакой другой свет, хотя к тому времени, как мы ушли, на улице уже было довольно темно.

«Значит, вы никогда не видели его жену?»

«Нет, она не вернулась вовремя... Но та комната — то чувство, которое я там испытывал — чувство комфорта, чувство, что меня там ЖДУТ... Это просто еще одно подобное чувство. Эта часть моей жизни — ну, вы помните, что я вам рассказывал в Кембридже?»

«Почему тебя это так беспокоит?»

«Я бы не стала этого делать, если бы оно оставило меня в покое. Но оно продолжает дразнить меня — подсказками. Так что же мне делать?»

«Я по-прежнему считаю, что нужно больше отдыхать и меньше работать».

Он похлопал меня по руке. «Приятно знать, что я могу поговорить с тобой, когда у меня такое настроение. Ватсон для моего Шерлока, да? Или, может, это не совсем комплимент?»

«Во всяком случае, не самому себе. Уотсон был, по крайней мере, ЧЕСТНЫМ идиотом».

Он улыбнулся. «Это, должно быть, высшая критика. Конечно, вы родились слишком поздно, чтобы чувствовать то

же, что и я — Шерлок на Бейкер-стрит, всё в порядке».

«Теперь, когда мы осознали, что в мире почти всё не так...»

«Знаю — это была часть иллюзии. Помню, как Шелдон взял меня в Лондон, когда мне было шесть или семь лет... Первым местом, которое я попросил показать, была Бейкер-стрит, и, будучи отзывчивым парнем, он не сказал мне, что эти истории — всего лишь выдумки. Однажды днем в начале века мы серьезно шли по тротуару — маленький мальчик и дворецкий его отца — с почтением глядя на высокие дома, преклоняясь перед героями. Далекие троны могли пошатнуться, анархисты могли бросать бомбы, несколько низших слоев общества могли вести себя вызывающе в самых неожиданных уголках мира, но в конце концов бояться было нечего, пока величественный английский Холмс, под кайфом и в халате, готовясь к действию, напрягал мозги для финального подсчета с Мориарти! А кто, черт возьми, был этот Мориарти? Да просто крутой мошенник, которого честный идиот романтизировал, чтобы создать себе репутацию героя! Всего лишь сутулый Раффлз средних лет! И это, имейте в виду Ты был худшим, что мог себе представить мир наших отцов, когда речь шла о подпольных силах и силах зла!... Ну что ж, счастливые времена. Лучше оставь такси себе, чтобы поехать домой. Спокойной ночи!

До этого я не воспринимал проблему Райнера всерьез. Во-первых, потеря памяти — это нормальное явление. Все мы забываем вещи, и с такой же вероятностью можем вспомнить о них спустя долгое время после того, как нам покажется, что они забыты навсегда. Часто это напоминание настолько слабое, что представляет собой лишь подсказку, которую мы не пытаемся проверить, потому что она кажется нам неважной. Необычность опыта Райнера заключалась в том, что он действительно считал это важным, так что из чего-то просто загадочного это уже превратилось в навязчивую идею.

Часть его истории, несомненно, можно было проверить, и я уже испытывал достаточно любопытства, чтобы попытаться это сделать. Я ничего ему не сказал, но в следующий раз, когда представилась возможность, я попросил мисс Хоббс в общих чертах рассказать о ранней жизни и карьере ее работодателя. Она была более чем готова — за исключением постоянной склонности переходить к более поздним и несколько пренебрежительным сплетням о миссис Райнер. «Разве он не был на войне?» — начал я, задав главный вопрос, который мог задать любой.

«Ах да. Он получил медаль — вы разве не знали? И самое странное — они думали, что он мертв. Поэтому ее вручили позже... позже...»

«Посмертно.»

«Да, именно так. Но их нельзя было винить, потому что после нападения он пропал без вести, и о нем ничего не было слышно до тех пор, пока... ну, прошло много лет, и он внезапно, без всякого предупреждения, не вернулся домой. А потом выяснилось, что он потерял память».

«Мне кажется, это история, достойная заголовков».

«Вы имеете в виду в газетах? О нет, это держалось в секрете — семья не хотела никакой огласки».

«Для большинства знакомых мне журналистов этого было бы недостаточно».

«Ах, но Шелдон всё это устроил».

«Шелдон?»

«Он дворецкий в Стуртоне. Вы ведь ещё не были в Стуртоне?»

«Нет.»

«Это действительно чудесное место».

«Шелдон кажется замечательным дворецким, если умеет мешать журналистам находить интересные истории и редакторам их публиковать».

«Ну, он действительно замечательный, и я думаю, что он знает почти всё — по крайней мере, о семье. Он правит Стуртоном — живёт там круглый год, даже зимой, когда семья никогда не выезжает из города. Я ему очень многим обязана — в те времена я была всего лишь местной девушкой, работала бухгалтером и секретарем в доме, и это постоянно

сводило меня с Шелдоном». Она добавила довольно кокетливо: «Вы знаете — или, может быть, не знаете — как трудно девушке, работающей в большом доме, если дворецкий не такой, каким должен быть».

Я сказал, что могу себе это представить.

«Шелдон всегда был джентльменом. Ни одно его слово или жест не вызывали у кого-либо возражений».

Я ничего не сказал.

«А позже, когда мистер Чарльз возглавил компанию Stourton, Шелдон лично спросил его, может ли он чем-нибудь мне помочь, иначе, я полагаю, меня бы здесь не было».

«Понятно... Но вернемся к тому времени, когда мистер Райнер — я имею в виду НАШЕГО мистера Райнера — внезапно вернулся в Стуртон. Вы тогда там работали?»

«Не только тогда. Было Рождество, и поскольку старик Райнер болел, они отменили обычные вечеринки и дали мне выходной. Вечеринки всегда занимали меня — я писала приглашения, рассаживала гостей и все такое».

«Каким был мистер Райнер после возвращения?»

«Я не видел его довольно долгое время, но знаю, что из-за этого было много проблем, так или иначе — Шелдон никогда не расскажет нам и половины того, что произошло».

Так след оборвался; она мало что знала о том, что на самом деле произошло; с тех пор прошло много лет, старый мистер Райнер умер, и, вероятно, та же участь постигла большинство сотрудников, у которых в то время можно

было бы получить какие-либо разъяснения. Возможно, где-то остались следы, досье, сохранившееся в забытых файлах, служебные записки, спрятанные в официальных архивах; но шансы обнаружить их или даже выяснить, существуют ли они вообще, казались невелики.

«Довольно загадочно», — заметил я. — «Неужели сам господин Райнер никогда не пытался это разгадать?»

«Вы имеете в виду, пытался ли он что-нибудь вспомнить?»

«Ну, а кроме этого — разве он никогда ни с кем не консультировался — ни со специалистами, ни с психоаналитиками, ни с кем-либо еще?»

«Вы его не знаете, иначе бы не стали спрашивать. Последнее, что он когда-либо сделал бы, это пошел бы к кому-нибудь и рассказал бы что-нибудь о себе. Единственный человек, с которым он когда-либо разговаривал, был тот, кого он знал в Кембридже, какой-то профессор — кажется, его звали Фримен».

«Вы имеете в виду доктора Фримена — того самого доктора Фримена?»

«Возможно, он был врачом».

«Высокий седовласый мужчина с сутулостью?»

«Да, это был он — он часто навещал Чарльза до свадьбы. Вы его знаете?»

«Немного. Почему бы и нет после свадьбы?»

«Ему не нравились вечеринки, и я думаю, ему не нрави-

лась госпожа Райнер за то, что она начала всю эту жизнь для Чарльза. Она очень амбициозна, знаете ли. Говорят, она сделает его премьер-министром, прежде чем закончит свою карьеру».

Я рассмеялась — сама слышала подобные замечания, за которыми, как правило, следовали какие-нибудь непристойные комментарии по поводу ее умения устраивать вечеринки. Мисс Хоббс добавила: «Не то чтобы она плохая хозяйка — это я точно скажу».

Раз уж этот вопрос был поднят, мне показалось, что миссис Райнер **СЛИШКОМ** хороша, и по этой причине она может промахнуться мимо секретной английской мишени, в которую можно попасть только из ружей с точностью 97 или 98 процентов. Всё, что выше этого, даже если это достижение, опасно в Англии, потому что англичане не доверяют совершенству, считая его в манерах клеймом иностранцев, так же как они подозревают, что зубы — результат стоматологических процедур. Всё это, конечно, я не обсуждал с мисс Хоббс.

Через несколько дней я встретил Фримена. Он был довольно внушительной фигурой в Кембридже, как в мое время, так и во времена Райнера, но недавно вышел на пенсию и поселился в Ричмонде с незамужней сестрой. Вероятно, это была одинокая жизнь, и он, казалось, был рад услышать мой голос по телефону и принять приглашение на ужин. Я знал его довольно хорошо, поскольку он долгое время был

президентом Философского общества, а я в последний год — его вице-президентом, и хотя он написал несколько стандартных работ по психологии, он не был настолько опытным психологом, чтобы заподозрить скрытый мотив в моем явном желании навестить его и поговорить о старых временах.

В тот же вечер мы встретились в ресторане Boulestin's.

После терпеливого ожидания неизбежного вопроса о том, чем я сейчас занимаюсь, я ответила, что стала секретарем Райнера.

«Ах, Райнер... да», — пробормотал он, словно перебирая в памяти воспоминания. И добавил, тихо посмеиваясь: «Что ж, история не повторится».

«Что ты имеешь в виду?»

«Он женился на одной из них».

«Вы имеете в виду миссис Райнер? Вы хотите сказать, что она была его секретаршей до мисс Хоббс?»

«О, эта женщина по фамилии Хоббс всегда была с ним — семейная реликвия. Ей, наверное, лет сорок, если не меньше. Что она в конце концов сделала — ушла на пенсию?»

«Она уезжает, чтобы выйти замуж».

«Боже мой, я никогда не думал, что настанет ее очередь. Кто же счастливчик?... Но я сам могу ответить на этот вопрос — Райнер, раз уж он от нее избавился».

«Значит, вы её знаете?»

«К счастью, почти никогда. Но она писала мне самые нелепые записки всякий раз, когда Райнер назначал мне при-

ем. Предполагалось, что они от него, но я совершенно случайно позже узнала, что она подделала его подпись... АБСУРДНЫЕ записки — меня, как психолога, заинтересовало, что она сочла их уместными».

«Но вернемся к миссис Райнер...»

«О, она работала в его городском офисе, кажется. Другая династия. У этих великих магнатов целые отряды секретарей».

«Странная мисс Хоббс ни словом об этом не обмолвилась. Я думала, ей бы понравилось поехать на ней домой».

«С психологической точки зрения, я думаю, вы ошибаетесь. Она предпочла бы скрыть тот факт, что, хотя они обе, так сказать, были равны на старте, победила другая женщина».

«Возможно. Я так понимаю, вы довольно хорошо знаете Райнер?»

«Раньше так и было. Видите ли, изначально у меня было преимущество в том, что я встречался с ним анонимно».

«Мне не совсем понятно, что вы имеете в виду».

Он, выпивая еще один бокал бренди, продолжил: «Райнер — странный человек. Он испытывает странный страх перед собственной личностью. Он позволяет узнать себя лучше всего, когда думает, что вы не знаете, кто он... Это интересная психологическая особенность. Я впервые встретил его через Вернета, который был его наставником в колледже Святого Свитина. Видимо, он рассказал Вернету о... э-э...

ну, может быть, мне не стоит это обсуждать, но это было интересно мне — как психологу, — но не особенно Вернету, который был всего лишь историком». Снова смешок. «В общем, Вернет смог получить разрешение передать мне это только при условии, что не будет разглашать его имя, и, услышав, о чем идет речь, я так заинтересовался, что мы даже договорились о встрече — опять же анонимно — я не должен был знать, кто он... Но я открою вам секрет — Вернет мне об этом сказал наедине заранее — о беспринципном человеке, Вернете. А потом, однажды утром, несколько месяцев спустя, я не смог найти свой велосипед у ворот колледжа после лекции, но на его месте стояла похожая модель с надписью «Чарльз Райнер». Я воспользовался его ошибкой, чтобы навестить его, и должен сказать — после первоначального смущения — мы очень скоро подружились». Он добавил: «И теперь, конечно, я знаю, о чем вы меня спросите, но, будучи менее беспринципным, чем Вернет, я не могу вам сказать».

«Думаю, вам это не нужно, потому что я и так знаю о... э-э... особенностях Райнера. Полагаю, дело было именно в этом».

«Предположим, вы сначала скажете мне, что это такое».

«Пустой период в его жизни, который он не помнит».

«Довольно неточное описание».

«Без сомнения, и именно поэтому мне очень хотелось бы услышать ваше мнение».

Он улыбнулся. «Это был необычный случай, но я слышал

о нескольких подобных. Они описаны, знаете ли, в технических журналах. У Райнера были — если можно так выразиться — определенные нити воспоминаний о том периоде, хотя они были настолько слабыми, что поначалу почти исчезали. После его отъезда из Кембриджа мы не виделись десять лет — к тому времени нити стали немного отчетливее. Моей целью, когда я снова познакомился с Райнером после десятилетнего перерыва, было упорядочить эти нити, распутать их — расширить их, так сказать, до полного корпуса воспоминаний».

«Я понимаю. Но у вас ничего не получилось».

«Вы спрашиваете меня об этом или говорите мне?»

«В каком-то смысле и то, и другое».

Он сказал, улыбаясь: «Я всегда ожидал, что к нему в конце концов вернется вся память — понемногу, понемногу, — пока, наконец, как ключ, поворачивающийся в замке, или как последние кусочки пазла, все не встанет на свои места. Но, как я понимаю, этого еще не произошло?»

«Компоновка еще продолжается, но до завершения еще далеко».

«Скажите, Харрисон, позвольте задать вопрос: почему вы проявляете такой живой интерес к этому делу? Это вряд ли входит в круг ваших секретарских обязанностей... Или всё-таки входит?»

«Он мне нравится, и мне очень жаль, что его это до сих пор беспокоит. Это единственная причина».

«Хороший».

«А теперь скажи мне кое-что — у тебя есть какие-нибудь теории насчет этого пустого участка?»

«Теории? Могу только предположить, что это было очень тяжелое время. Он получил травму, если я правильно помню, чуть выше левой теменной кости...» Он начал описывать медицинское состояние, которое мне ничего не объяснило. «Это была травма, требующая оперативного лечения — возможно, серии операций. Поэтому, возможно, жаль, что он до сих пор беспокоится, как вы говорите. Даже если бы к нему сейчас вернулись все воспоминания, это, вероятно, были бы только боль, несчастье, скука».

«С другой стороны, даже такие воспоминания могут быть лучше, чем нарастающая одержимость их утратой?»

«Возможно.»

После этого мы некоторое время молчали. Затем я спросил: «Вы знаете, что его взяли в плен немцы?»

«О да. Но немецкие или английские — все больницы — неприятные места, особенно для человека, который никому не может сказать, кто он. Я предполагаю, что немцы лечили его безымянно или по ошибке под чужим именем, а затем вернули в Англию на тех же условиях. А ведь в Англии есть и другие больницы, полные переживаний, которые никто не хотел бы вспоминать. Было множество случаев контузии и потери памяти, на лечение которых уходили годы — некоторые из них продолжаются и по сей день, да поможет им

Бог. Всё это произошло так давно, что я не понимаю, как мы можем когда-либо узнать все подробности. Расскажите мне СВОЮ теорию, если она у вас есть».

«В том-то и проблема, что у меня этого не было».

«Настоящая проблема, конечно же, в миссис Райнер».

Любопытно, как люди рано или поздно сами завели разговор о ней. Фримен, поначалу сдержанный в отношении бывшего друга, теперь не видел причин скрывать свое мнение о жене своего бывшего друга. «Она необычная женщина, Харрисон».

«Ну, он тоже не совсем обычный».

«Они хорошо ладят друг с другом? У вас такое впечатление?»

Я осторожно ответил: «Думаю, из неё получилась бы хорошая жена политика».

«И, полагаю, вы считаете, что из него получился бы хороший политик?»

«У него есть некоторые необходимые качества. Он умный оратор и умеет находить общий язык с людьми».

«Когда у него хорошее настроение. Он не всегда... Вы когда-нибудь слышали об ужине антикваров в Бриджлоу?»

Я покачал головой.

«Это было... ну, несколько лет назад. Он должен был помогать кандидату, и во время предвыборной кампании мы пригласили его на наше ежегодное собрание — строго внепартийное, просто полуобразованное общество, с акцентом

на полуобразованность. В то время я был президентом, и Райнер сидел рядом со мной за столом. В середине его речи, которая началась довольно неплохо, произошел небольшой инцидент, вызванный тем, что старый генерал Вич-Ферлоу, опоздав, извинился — у него сломалась машина или что-то в этом роде. Он говорил довольно громко, как большинство глухих людей, и, конечно, это БЫЛО раздражающим для выступающего, но весь инцидент закончился за минуту, большинство людей смирились бы с этим. Райнер же, казалось, внезапно замер, не смог скрыть своих чувств, почти сразу закончил свою речь и покинул стол раньше, чем мог бы. Я вышел с ним на минутку, откровенно сказал ему, что считаю его поведение довольно ребяческим — конечно, возраст и немощность дают людям право на некоторую снисходительность — это было не так. Как будто имела место какая-то преднамеренная невежливость. Затем он, довольно панически, сказал: «Дело было не в этом — дело было в самом человеке — возможно, в какой-то химической реакции, в том, как мы реагируем друг на друга». Мне его объяснение показалось еще более странным, чем его поведение.

Я остановился, не дав себе оставить комментарий, и Фриман, заметив это, сказал: «Давай, а что ты хотел спросить?»

«Мне просто интересно — возможно ли, что у него сохранились какие-то подсознательные воспоминания о том, что он уже встречался с генералом?»

«Я подумал об этом позже, но мне показалось маловеро-

ятным, что они когда-либо могли встретиться. Он даже не знал имени генерала. А если бы они и встречались раньше, я все равно не вижу причин для вражды — старик был просто придиричивым, простодушным, глупым парнем с выдающейся военной карьерой и репертуаром исключительно скучных историй об охоте».

«Присутствовала ли миссис Райнер на ужине?»

«Нет, она бы ни за что не пришла ни на одно мероприятие, где бы я ни был президентом — это совершенно точно». Он добавил, словно обрадовавшись возвращению к теме: «Странная женщина. Я не уверен, что полностью ей доверяю — и это не потому, что она мне не особенно нравится. Дело в чем-то более глубоком. Мне всегда кажется, что она что-то скрывает. Полагаю, это часть моей работы — обладать такими экстрасенсорными способностями по отношению к людям... Вы знаете о ее знаменитых вечеринках?»

«А кто не пробовал? Я их пробовал».

«По правде говоря, давайте будем честны. Она не сноб в обычном смысле — я имею в виду снобизм по отношению к происхождению или деньгам. Конечно, было бы слишком нелепо, если бы она им была — ведь сама она не имела ни того, ни другого. Но к чему именно она стремится? К уму? К славе? К известности? Я однажды был в Кенморе, и должен признать, что она играет в эту игру отвратительно хорошо. Но вся эта неустанная охота за знаменитостями и организация вечеринок не создают дом — и, черт возьми, я не знаю,

что из этого он создает».

«Некоторые говорят, что это сыграло решающую роль в карьере Райнера».

«Я тоже это слышал — от людей, которым он не нравится. Те, кому не нравится ОНА, скажут вам, что её методы на самом деле мешали ему. Тем не менее, я не отрицаю, что она хорошая спутница для делового человека. Главный вопрос в том, стоит ли вообще Райнеру загромождать свою жизнь бизнесом и политикой».

«Что ты имеешь в виду?»

«Просто я всегда считал его — в общих чертах — одной из редких личностей нашего времени, поэтому успех, которого он достиг и еще может достичь, становится отвратительным самопредательством».

«Значит, вы считаете, что брак был ошибкой?»

«Вовсе нет, если он считал, что ему необходимо вести такой образ жизни».

«Какую ещё жизнь он мог бы прожить?»

«Это выходит за рамки моей компетенции. Я говорю о качествах человека, а не о его возможностях. Полагаю, это не его вина, что отец оставил ему в наследство небольшую промышленную империю — металлургические заводы, газеты, взаимосвязанные холдинговые компании и тому подобное — все это более или менее обанкротилось, хотя тогда об этом никто не знал. Даже место в парламенте было своего рода семейным наследством, которое ему пришлось при-

НЯТЬ».

«Как мисс Хоббс?»

«Да, как и ОНА — такая же идиотка, но не такая преданная. В прошлый раз он едва прошел, перешагнув порог в двенадцать голосов... Но раз уж вы упомянули женщину из семьи Хоббс, уверяю вас, она — настоящая жемчужина современности по сравнению со старым дворецким, которого держат в Стуртоне... Шелдон, кажется, так его зовут».

«Он тебе тоже не нравится?»

Фриман пожал плечами. «Дело не в том, что меня раздражают его эксцентричные дерзости — шотландские слуги такие, и это можно от них терпеть, — даже королева Виктория так делала. Меня действительно смущает то же самое чувство, которое я испытываю по отношению к миссис Райнер — ощущение, что он что-то скрывает».

«Может, они что-то скрывают вместе?»

Его улыбка была совсем другой и не ответила на мою. «Вы ведь ещё не были в Стуртоне, правда? Это удивительное место, где можно спрятать всё, что угодно».

Мисс Хоббс уехала на следующей неделе, и я принялся за дело, став её преемником. Это оказалось не так просто, как она меня убеждала. Интересы Райнера были многогранны; помимо руководящих должностей в крупных компаниях, он был членом многих обществ и организаций — и всё это, конечно, в дополнение к его политической деятельности. У меня было много дел, и он ожидал, что всё будет сделано быст-

ро и эффективно. У нас было мало возможностей поговорить о чём-либо, кроме деловых вопросов, и на какое-то время он, казалось, полностью отложил то увлечение, которое начало меня интересовать. Произошло то, чего я не ожидал после замечаний Фримена: миссис Райнер пригласила меня на ещё один свой обед. На этот раз он был действительно ЛИТЕРАТУРНЫМ, как она и обещала (Морис Баринг, Чарльз Морган, Луис Бромфилд, Генри Бернштейн, миссис Беллок Лоундес, Герберт Уэллс и бледный молодой человек, имя которого я забыл, писавший высокоинтеллектуальные детективные романы, имена которых я тоже забыл), и, несмотря на первоначальные опасения, всё это показалось мне довольно приятным. И снова для Райнэ было свободное кресло, на случай, если он появится, но он не появился, и никто, кажется, не удивился. Госпожа Райнэ снова попросила меня остаться на минутку после того, как остальные ушли, но на этот раз просьба была менее примечательной, поскольку у меня была работа в этом же доме. «Не могли бы вы уделить время и посмотреть мой сад?» — сказала она, провожая меня в заднюю часть холла, где были открыты французские окна.

Мы неспешно прошли через лужайку к двери в высокой окружающей стене; отперев ее, она наблюдала за моим удивленным лицом, ведь внутри находился второй сад, ненамного больше большой комнаты, но настолько окруженный деревьями и утопающий в цветах, что трудно было поверить

в его существование посреди лондонского района. «Это секрет, — призналась она. — Я показываю его только близким друзьям — или тем, с кем, я надеюсь, они станут».

Я вежливо пробормотал что-то, что с одинаковым успехом могло относиться как к ее последнему замечанию, так и к самому саду.

«Видите ли, — продолжила она, — мне никогда не нравилась мисс Хоббс. Думаю, Чарльзу она тоже, но он был слишком добр, чтобы от нее избавиться. Если она говорила вам что-то против меня, а я уверена, что говорила, просто воздержитесь от суждений, пока не узнаете меня лучше».

Я продолжал говорить вежливые вещи.

«Вы с Чарльзом впервые встретились в поезде, не так ли?» — Она наклонилась к вазе. — «Одна из тех случайных встреч — у меня самой такие были — когда рассказываешь все свои секреты совершенно незнакомому человеку, потому что уверена, что больше никогда его не встретишь... Что-то вроде этого?»

Я осторожно ответил: «Не знаю насчет секретов, но нам определенно было легко разговаривать».

«И вам нравится ваша работа здесь?»

«Очень.»

«Я рада. Будет замечательно, если вы действительно сможете помочь Чарльзу — помимо офисной работы. Ему иногда нужно правильное общение — у него бывают сложные настроения, знаете ли. Или, может быть, вы не знаете — ПО-

КА. В любом случае, нужно не воспринимать его слишком серьезно, когда у него бывают такие моменты». Я ждала, что она продолжит, зная, что она тоже ждет меня; даже если я была готова воздержаться от осуждения, я, как и Фримен, не хотела полностью ей доверять. Она вдруг улыбнулась. «Что ж, теперь вы знаете МОЙ секрет. Сохраните его для меня». И она добавила, провожая меня обратно в дверной проем: «ЭТО, я имею в виду. Раньше здесь садовник выбрасывал весь мусор. Я сама это спланировала — я до сих пор делаю здесь большую часть работы. Чарльз никогда не заглядывает — у него нет времени. У него нет времени и на мои обеды — не то чтобы меня это сильно расстраивало, но иногда мне бы хотелось застать его сидящим здесь — тихо — в одиночестве — как мужчин, которых иногда видишь возле своих коттеджей в деревне — в покое. Он никогда не бывает в покое, понимаешь?»

Мне показалось, что она хотела бы что-то мне сказать, если бы я уже достаточно знала, чтобы это было целесообразно, но она не была уверена, что я знаю, поэтому колебалась. Я спросила ее, почему, по ее мнению, он никогда не обретал покоя.

«Во-первых, он ужасно перегружен работой».

«Да, я знаю, но кроме этого?»

«Ну, в наше время трудно обрести душевный покой. Вам так не кажется?»

«А как насчет мужчин, которых вы иногда видите возле

их дач в деревне?»

Она улыбнулась, внезапно заняв оборонительную позицию, теперь уверенная, что я знаю не так много, как она предполагала, и поэтому стремясь не давать мне дальнейших поводов для разговора. «Вероятно, они совсем не спокойны — просто слишком стары и устали, чтобы больше о чем-либо беспокоиться». Когда мы вошли в дом, ее манера поведения окутала ее, словно опустившийся занавес. «Теперь, когда мы подружились, ты должен приезжать в Стуртон на выходные, как только мы откроем его. Там есть настоящий тайный сад — я имею в виду, такой, о котором все знают».

* * *

Я никак не ожидал, что Стуртон окажется настолько впечатляющим. Несколько недель спустя мы доехали туда на четырех «Даймлерах» — «словно на скоростных похоронах», — сказал Райнер, пребывавший в мрачном настроении; три из них были забиты багажом и слугами из Кенмора, в первом же находились мы и элегантный молодой человек по имени Уоберн, который приехал каталогизировать библиотеку Стуртона. Большинство гостей должны были прибыть на следующий день — человек двадцать с лишним: политики, пэры, актеры, писатели, первоклассные теннисисты, знаменитости всех мастей. Утро было теплым, и когда мы проезжали через Рединг и Ньюбери, солнце пробилось сквозь

дымку и осветило все великолепие английского лета с его постоянно меняющейся зеленью под пятнистым небом.

Вскоре мы свернули с главной дороги и петляли милую между высокими живыми изгородями; затем внезапно, в далекой складке холмов, сквозь густые деревья парка промелькнуло нечто из кремового камня. Уоберн, который раньше его не видел, вместе со мной тихонько ахнул от восхищения. «Так и должно было быть», — сказал Райнер. «На самом деле, архитектор и дорожный строитель сговорились об этом двести лет назад. Мой брат Джулиан, который считал себя мастером слова, однажды назвал его «штукатурной примадонной, выходящей на сцену». Теперь же, видите ли, он исчезает из виду». Заросшие возвышенности скрывали дом еще примерно на милую, пока на новом повороте дороги он не появился настолько близко, что оставалось лишь почти-тельно кивнуть в знак признания. «Но вот мы снова здесь, и до конца пути мы просто обязаны отдать ему все звезды по Бедкеру». Мы выехали на последний полумильный участок, который заканчивался широким палладианским портиком. «Такой дом похож на некоторых женщин — слишком дорогой, чтобы от него отказаться. Конечно, на самом деле ты платишь не за саму вещь, а за иллюзию — чувство собственности, неуловимое Великое Я. В наши дни это обанкротившаяся иллюзия — фермы не приносят дохода, холмы, которые принадлежат мне, так же свободны для всех остальных, вся идея ВЛАДЕНИЯ этим местом — всего лишь юри-

дическая фикция, дающая мне право оплачивать счета. Думаю, оно скорее бы овладело мной, если бы я позволил ему... Привет, Шелдон».

Шелдон ждал нас на верхней ступеньке. Не пухлый и не болезненный, не подбодренный и не высокомерный, он пожал протянутую ему руку Райнер, поклонился миссис Райнер и, пока Райнер не представил нас, слегка оценивающе окинул взглядом Уоберна и меня. Затем он сказал: «Что ж, мистер Харрисон, если это ваш первый визит в Стуртон, то, вероятно, не последний. Мистер Райнер держит своих секретарей очень долго». Это замечание показалось мне несколько фамильярным и несколько неуклюжим напоминанием о прежнем положении миссис Райнер, но раздался общий смех, из которого я понял, что Шелдон пользовался подобными привилегиями, возможно, из-за возраста. Он, безусловно, был хорошо сохранившейся почтенной фигурой, с видом спокойной, но в то же время сдержанной ответственности; в другой одежде он мог бы выглядеть как министр кабинета, в отличие от тех министров кабинета, которые даже в своей одежде похожи на дворецких.

К тому времени, как меня проводили в мою комнату в восточном крыле (Стуртон, как и любой величественный дом той эпохи, должен был иметь крылья), солнце уже почти село за холмы, и начинало разворачиваться медленное волшебство летних сумерек; из моего окна открывался завораживающе прекрасный вид на парадные сады и далекий горизонт.

Я любовался им, когда вошел Райнер с Уобурном, которому он показывал библиотеку. «Надеюсь, вы не возражаете против видов», — сказал он. «Я знаю, что это последняя художественная мода — считать их довольно вульгарными. Я сам установил эти большие окна, вопреки всем советам архитекторов, которые говорили, что в домах такого типа их быть не должно. В остальном, за исключением нескольких дополнительных ванных комнат, я ничего не менял».

Позади них двоих стоял Шелдон, объявляя, что наши бани готовы; затем Райнер повернулся и повел нас через коридор в необыкновенную комнату в мавританском стиле, украшенную рифлеными колоннами, арабскими горгульями и высоким купольным потолком. Он наблюдал за нашими лицами и, казалось, испытывал определенное удовлетворение. «Мой отец построил это, — объяснил он, — как то, что он называл дополнительной бильярдной. Он сколотил большую часть своего состояния в эдвардианскую эпоху, когда наличие бильярдной было социальным признаком, а в последний год войны, когда деньги поступали так быстро, что он не знал, что с ними делать, он задумал идею ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ бильярдной как символ абсолютной избыточности... По крайней мере, это единственная теория, которую я могу себе представить. Я не думаю, что в ней когда-либо играли в бильярд, и я превратил ее в баню без всякого чувства нечестия». Мы прошли через комнату, обставленную диванами и лампами, и попали в другую квартиру, где рас-

полагался ряд небольших, но довольно современных ваннных комнат с душевыми кабинами, три из которых Шелдон уже готовил для нашего пользования. «До того, как я сделал эти ваннные комнаты, во всем доме было всего четыре», — продолжил Райнер. «Одна находилась в комнате для прислуги, и Шелдон фактически оплатил ее из собственного кармана. Это дает некоторое представление о том времени, даже в 1919 году». После паузы и еще одного взгляда на наши лица он добавил: «И о моем отце тоже — я знаю, вы так думаете. Но это не было скупостью. При жизни он много жертвовал на более ортодоксальные благотворительные организации. Больше всего он страдал от нескольких вопиюще ошибочных представлений. Одно из них, несомненно, заключалось в том, что слугам не нужны ваннные комнаты. Другое — в том, что он был настоящим английским джентльменом. И еще одно — в том, что оставшаяся часть истории человечества будет в основном заключаться в наведении порядка в джунглях и превращении всей земли в хорошо управляемую английскую колонию под либеральным правительством. Думаю, когда война закончилась, он предположил, что именно это будет сделано с Германией».

«Может быть, так и должно было быть», — тихо сказал Вобурн. До этого он лишь улыбался, и я заметил, как Райнер бросил на него взгляд, полный повышенного интереса. Затем мы разошлись по своим кабинкам, но стены были высокой лишь по шею, и разговор легко завязывался под паром.

Я слышал, как Райнер и Вобурн перешли к политическому спору, в то время как в моей кабинке Шелдон, раскладывая полотенца, заметил, что я обратил внимание на слегка коричневатый цвет воды, наполнявшей ванну. «Это вам не повредит», — заметил он. «Мы говорим некоторым нашим гостям, что это из-за минеральных источников, полезных при ревматизме, но поскольку вы член нашей семьи, я открою вам семейный секрет — это просто ржавчина в трубах».

Он уже собирался уйти, посмеиваясь, когда я ответила, совершенно без всякого скрытого смысла: «Надеюсь, все семейные тайны так же безобидны».

Смех резко оборвался, когда он повернулся ко мне взглядом, который, очевидно, его успокоил, поскольку его губы расплылись в медленной улыбке, когда он продолжил свой путь. «Надеюсь, вы так и сочтете, мистер Харрисон».

Тем временем Райнер вернулся к теме Стуртона, и я слышал, как он говорил Уоберну: «Мой отец купил его после того, как он разорил Уэстондейлов, а Уэстондейлы унаследовали его от предков, которые построили его на доходы от африканской работорговли. Это делало покупку моего отца почти уместной, поскольку мой прапрадед построил свое состояние на первых паровых хлопчатобумажных фабриках в Ланкашире. Можете себе представить, что Стуртон, таким образом, населен призраками негров и маленьких детей».

Вскоре после этого мы переоделись и пообедали в огромной комнате, которая с легкостью вместила бы пятьдесят че-

ловек, вместо нас четверых. Я заметил, что миссис Райнер была особенно любезна с Уобурном, которого, вероятно, она считала застенчивым в обстановке такой непривычной роскоши. Обсуждалось, как он займется каталогизацией библиотеки; большая часть книг, как оказалось, была перевезена от Уэстондейлов вместе с домом. «Мой отец не был большим любителем чтения, но у него был удивительный дар читать то, что нужно. Однажды он прочитал, что некоторые сосновые леса в Хэмпшире считаются пригодными для жизни, и тут же купил несколько сотен акров — на которых сейчас находится часть Борнмута. Довольно интересный человек, мой отец. Он играл на корнете, а также плакал над всеми предсмертными сценами Диккенса — особенно над «Маленькой Нелл» и «Полом Домби». Он предпочитал, чтобы ему их читали, и его любимой чтницей была моя старая гувернантка по имени мисс Понсонби, которая ненавидела его и после одного из своих слезливых сеансов обычно бормотала: «Старый обманщик!» Но он НЕ был совсем уж обманщиком — по крайней мере, не больше, чем большинство из нас. Я не совсем уверен, КЕМ он был на самом деле... Кто-нибудь должен когда-нибудь написать о нем действительно хорошую биографию. Биография была написана незадолго до его смерти, но это был заказной труд, и в ней его изобразили не очень убедительным гипсовым святым — и, конечно, легко было бы написать и другую, представив его как зловещего капиталистического злодея... Но где-то посередине,

вероятно, находится правда — если кто-нибудь сочтет нужным провести поиски.

«Почему бы мистеру Уобурну не попробовать?» — спросила миссис Райнер.

«Неплохая идея, если он захочет. Но пусть сначала закончит каталогизацию. Ты вообще что-нибудь пишешь, Уоберн?»

«Несколько рассказов, мистер Райнер. Вы читали один из них — наверное, вы его забыли...»

«Ах да, конечно. Тот, про несчастного русского?»

Уоберн кивнул, и эта несколько загадочная отсылка осталась без объяснения. После кофе миссис Райнер сказала, что устала и пойдет спать; Райнер упомянул письма, которые ему нужно написать; поэтому, казалось, нам с Уоберном ничего не оставалось, кроме как провести вечер вместе, как-нибудь.

Шелдон предложил нам библиотеку, с явной гордостью провожая нас в эту прекрасную, мрачную комнату и любезно включив радиоприемник как раз к началу новостной сводки речи Гитлера, произнесенной в Берлине ранее в тот день. Мы послушали немного, затем Уоберн жестом выключил радио — жалкий остаток протеста, до которого докатился современный человек. «Надеюсь, в этом году войны не будет», — заметил он, словно надеясь на хорошую погоду. «Видите ли, как только я закончу эту работу, у меня будет другая с Куртцмайерами — у них большая коллекция в Ницце, и, смею предположить, я проведу там всю осень, — если

только», — добавил он с полуулыбкой, — «планы господина Гитлера не помешают моим». Я улыбнулся в ответ с оттенком неловкости, которая меня охватывает, когда какой-нибудь шутливый комментатор фильмов о путешествиях упоминает «господин и миссис Бегемот» и ждет смеха. Я размышлял об этом и задавался вопросом, как такому молодому человеку, как Уоберн (по меньшей мере на десять лет моложе меня), удалось наладить этот бизнес по каталогизации среди богатых и влиятельных людей, когда он обезоруживающе рассказал мне обо всем. «Именно Райнеры познакомили меня с Куртцмайерами — они довольно хорошо умеют создавать мне препятствия».

Я спросил его, как давно он знаком с семьей Райнер.

«Всего несколько месяцев. А ты?»

«Примерно два года назад. Впервые я встретил его — совершенно случайно — в поезде».

«Впервые я встретил его в публичной библиотеке».

«Случайно?»

«Нет, я там работала, и он пришел ко мне. Его послала госпожа Райнер».

«Миссис Райнер?»

«Да, я познакомилась с ней раньше него. Это была ее идея, что я должна занять место Стуртона — поэтому она и послала его ко мне».

«Я думала, она попросит тебя увидеться с ним».

«Мне тоже следовало бы так поступить, но, похоже, у него

была странная идея: он хотел сначала увидеть меня, не зная, кто мы, чтобы, если я ему не понравлюсь, всё можно было бы прекратить».

«Я понимаю.»

«Вы никогда не замечали, что, несмотря на его бойкий стиль речи и непринужденность, он на самом деле очень стесняется знакомиться с новыми людьми — и делает это довольно странным образом?»

Я сказал, что, возможно, так и было, и спросил его, как прошла его встреча.

«Ему не нужно было далеко ехать — библиотека находилась всего лишь через реку, в Ламбете. Конечно, я принял его за обычного посетителя. Сначала он спросил у стойки, есть ли у нас какие-нибудь иллюстрированные книги об английских деревнях. Это довольно расплывчатая просьба, которую часто можно услышать от людей, поэтому я взял несколько книг с полок и оставил его за столиком с ними. Вскоре он вернул их, поблагодарив, и из вежливости я спросил, нашел ли он то, что искал. Он ответил: «Ну, нет, не совсем — он просто подумал, что на картинках и фотографиях в какой-нибудь иллюстрированной книге может быть изображение места, которое он когда-то видел, но название которого забыл». Но их там не было, и это не имело значения».

«Вам это, должно быть, показалось странным».

«Да, но самое любопытное было то, что я только что написал короткий рассказ, основанный на похожей идее. Ко-

гда я ему это рассказал, он, казалось, очень заинтересовался, и мы некоторое время разговаривали, а потом, наконец, он рассеянно огляделся и сказал: «Я должен увидеть человека, который здесь работает, по имени Уоберн». Я сказал, что меня зовут Уоберн, и он сделал вид, что удивлен и доволен, но почему-то мне показалось, что он все это время знал, хотя его радость выглядела искренней. Затем он сказал, что его жена рассказывала обо мне и думала, что я мог бы заняться каталогизацией, и, конечно же, он должен был сказать, кто он. Я сказал, что буду очень рад, и он ответил, что все в порядке, он даст мне знать; затем он поспешно пожал мне руку и ушел».

«Он вам сообщил?»

«Не сразу. Через несколько недель я написал ему, потому что очень хотел получить эту работу, если бы смог — я зарабатывал всего три фунта в неделю. Конечно, за это время я узнал о нем все — о его интересах на Флит-стрит — именно поэтому я и отправил ему тот короткий рассказ, который написал, потому что подумал, что, возможно, он передаст его одному из своих редакторов». Уоберн улыбнулся. «Он вернул его через несколько дней без комментариев, но сказал, что я могу начать каталогизацию в любое удобное для меня время».

«Расскажите мне эту историю».

«Ну, ничего особенного — просто довольно слабая история о русском солдате, вернувшемся с фронта после рево-

люции».

«Что с ним случилось?»

«Ничего особенного. Он просто скитался по стране, пытаясь найти, где он живет».

«Он... он потерял память?»

«Нет, он был просто обычным парнем — не умел читать и писать — всё, что он мог назвать, это название деревни и её описание, которое с таким же успехом подошло бы десяти тысячам других русских деревень. Государственные чиновники не хотели с ним связываться, потому что он не умел заполнять необходимые формы, поэтому ему оставалось только бесцельно бродить в поисках нужного места».

«И в итоге он это сделал?»

«Его сбил поезд, и он упал в соседнюю деревню, где и умер, так и не узнав, что это была именно та деревня, которую он искал... конечно, вы могли догадаться об этом».

«После прочтения Гоголя и Чехова, думаю, я, возможно, так и сделаю».

«Знаю, это была всего лишь имитация. У меня нет настоящей оригинальности — только техника. Полагаю, Райнер это понимал. Так что мне лучше придерживаться каталогов».

Мне показалось, что это смелое, но в то же время довольно печальное признание для молодого писателя.

«Почему бы не попробовать прочитать биографию, если вам предоставят такую возможность?»

«Возможно, я бы и согласился, но сомневаюсь, что из это-

го что-то получится. Нельзя быть уверенным, что они действительно ХОТЯТ, чтобы кто-то был беспристрастным. Вот почему Райнер так старается очернить своих предков. Своего рода перевернутый снобизм, призванный произвести впечатление на людей, потому что прямой снобизм уже не в моде... Хотя, надо сказать, он мне ОЧЕНЬ нравится».

«А она?»

«О, она чудесная, не правда ли? Как она запоминает десятки имен, когда представляет людей...» Я вспомнил, что Райнер тоже когда-то это отмечал. Но Уоберн добавил: «В английской жизни это, пожалуй, ошибка — никогда не ошибаться. Например, знать слишком много — как названия всех штатов Америки. Это делает человека немного чужаком».

«Похоже, вы довольно хорошо всё оценили».

«Вероятно, потому что я — чужак».

«Я тоже. И большинство приезжающих сюда людей тоже. И половина имен в Дебретте тоже. Если подумать, это один из здоровых симптомов так называемого английского общества — внутри него полно чужаков».

«Полагаю, в каком-то смысле, »Райнерс« — аутсайдеры».

«Ну, у них нет титула, но это не имеет значения. Владение »Стуртоном« само по себе почти титул».

«Да, это чудесное место. Хотя здесь какая-то странная атмосфера, не правда ли?»

«А вы так думаете?»

«Вы не всё знаете, вы не всё знаете — похоже, именно это подразумевает это место».

«Может быть, это призраки негров и маленьких детей?»

«У них ведь нет детей, правда?»

«Нет.»

А они когда-нибудь это делали?

«Я не знаю. Таких вещей почему-то не узнаешь».

«Как вы думаете, они счастливы?»

Прежде чем я успел ответить, мы оба резко обернулись и увидели Шелдона, несущего поднос с сифоном, стаканами и графином для виски. «Я подумал, может быть, вы двое, джентльмены, захотите угоститься, сейчас или позже». Не предложив нам налить, он поставил поднос на стол и вышел из комнаты, остановившись у двери, чтобы вопросительно пожелать спокойной ночи.

Мы обменялись приветствиями, а затем, как только дверь закрылась, с некоторой тревогой посмотрели друг на друга. «Я не слышал, как он вошел», — сказал Вобурн после паузы. «Он не стучал».

«Хорошие слуги так не поступают — разве что у дверей спален».

«О? Я таких вещей не знаю. У моей матери никогда не было служанки».

«А кто тут проявляет снобизм наоборот? У моей матери была ОДНА служанка, которую мы называли прислугой. С точки зрения Стуртона, это ставит нас обоих практически в

равное положение».

«Вероятно, ты учился в хорошей школе».

Я упомянул название своей школы и согласился, что она в целом считается довольно хорошей. «Такой же хорошей, как Нетертон, где учился Райнер. В любом случае, с точки зрения общения, главное — это акцент, который, кажется, есть и у нас с тобой. Никто не будет спрашивать, где мы его подхватили».

«Я не против, если они так делают. До двенадцати лет я училась в частной школе, а потом получила стипендию в пригородной гимназии. В прошлом году я получила диплом в Лондоне, работая по вечерам. Я никогда не пытаюсь скрывать правду».

«Скрывать это? Я бы, наверное, похвастался этим».

«Полагаю, именно этим я и занимаюсь. Не хотите ли выпить?»

«Да, пожалуйста».

Он начал их смешивать и вскоре, пытаясь скрыть некоторое смущение, добавил: «Как вам этот Шелдон?»

Я сказал, что, по-моему, он из тех людей, в отношении которых можно избежать принятия решения, назвав его чудаком. «Может быть, хранителем семейного скелета», — добавил я.

«Нет, потому что если бы он существовал, Райнер с извращенным удовольствием вытащил бы его из шкафа, чтобы все на него смотрели».

Мы рассмеялись и согласились, что это вполне может быть правдой.

Было уже за одиннадцать, когда мы, зевая, поднялись наверх. Добравшись до своей комнаты, я обнаружила, что она наполнена прохладным воздухом и лунным светом; в блуждающей игре теней от занавесок я сначала не увидела Райнера, сидящего у окна в кресле. Когда я подошла, он сказал: «Не пугайся — я просто люблю твой вид. Он точно такой же, как у меня, так что это не очень-то оправдание... Как вы ладили с Уобурном?»

«Вполне хорошо. Он мне нравится. Умный молодой человек».

«Сказано с таким же высокомерием, как у тридцати-двадцатилетних?»

«Нет, я так не думаю. Во всяком случае, он мне нравится».

«Он протезе моей жены. Она хочет, чтобы он добился успеха в жизни — заставила меня выследить его в муниципальной библиотеке, чтобы он занимался этой работой по картотеке... Да, он может многого добиться, как говорится, если в наше время есть куда стремиться».

«В этом-то и проблема, и он, вероятно, понимает это не меньше, чем мы».

«Ну, мы не можем изменить мир ради него, но приятно, что он рядом — хотя бы для Хелен он компания. Он мне тоже нравится. Мне нравятся большинство парней его возраста — и твоего возраста тоже. Хотела бы я иметь целую

армию таких».

«Что бы вы сделали с целой армией таких людей?»

«Надеюсь, это будет что-то лучше, чем каталогизация книг или написание биографий моих предков». Он достаточно понял мои мысли, чтобы продолжить: «Смею предположить, вы несколько удивлены моим отсутствием энтузиазма по поводу родословного древа. Возможно, это потому, что у меня не было очень благополучной семейной жизни. Когда я был маленьким мальчиком, мой отец был чем-то отстраненным, громогласным и олимпийским — немного задирой в доме, или, по крайней мере, немного властным (если вы помните Vice-Versa) — и все это сделало счастливым для семьи то, что его почти не было дома. Моя мать умерла, когда мне было десять лет».

«Но она тебе нравилась?»

«Я очень сильно любила её. Она была нежной, с мягким голосом, добросердечной, жизнерадостной, но довольно беспомощной женщиной — хотя большинство женщин были бы беспомощны перед моим отцом. Он любил её, я не сомневаюсь, по-своему, собственнически. Возможно, менее любящий и более внимательный муж отправил бы её на зиму в более тёплый климат, но мой отец не был внимательным — в лучшем случае его беспечность стала товарищеской, как, например, когда он настаивал на бодрых прогулках по холмам в январские дни. Он очень любил поговорку о том, что свежий воздух выдувает пыль из лёгких. Он также выдувал

жизнь из лёгких моей матери, потому что именно после одной из таких ужасных прогулок, во время которой она задыхалась и тяжело дышала, а мой отец выкрикивал ободряющие слова в духе Уитмена, она позвала Сандерстеда, нашего местного врача, который диагностировал у неё туберкулёз. Мой отец был в ужасе с того момента и потратил целое состояние на всевозможные лекарства, но было уже слишком поздно — она умерла в течение...» В течение года мой отец, как я впоследствии понял, незамедлительно предпринял в отношении нее какие-то действия, которые, по его мнению, соответствовали ликвидации, списанию или какой-либо другой операции, которая происходит даже в самых лучших финансовых кругах.

Он внезапно встал и подошел к открытому окну, уставившись в него так, словно столкнулся с чем-то, что бросило ему вызов. «Это те холмы, по которым он заставлял ее ходить. Вы видите их линию на фоне неба». Затем он резко повернулся и сказал, что уверен, что я устал и захочу лечь спать.

Я заверила его, что совсем не хочу спать.

«Но ты вошла, зевая».

«Возможно, но я сейчас бодрствую. Такой свежий ветерок... Наверное, ты ненавидел своего отца».

Он медленно ответил: «Да, полагаю, так и было. Во всяком случае, так бы сказал Фрейд. Но, конечно, когда я был мальчиком и даже в студенческие годы, люди признавали только более вежливые эмоции».

«Война всё изменила».

«Да, конечно, и многое другое тоже».

Он помолчал немного, а затем я продолжил: «Вы как-то рассказывали мне об одном дне, спустя некоторое время после окончания войны, когда вы оказались на скамейке в парке в Ливерпуле».

«Когда я вам это рассказывал?» Он подавил мимолетное беспокойство, а затем с улыбкой добавил: «Ах да, помню — в ваших комнатах в Сент-Свитинсе. Я всегда болтлив после публичных выступлений... Ну, если я вам рассказал, то вы понимаете. Так было. И не спрашивайте меня ни о чем ДО того, как я займу место в парке, потому что я не смогу ответить».

«А что, если после того, как вы сядете на скамейку в парке?»

Он, казалось, почувствовал облегчение. «ПОСЛЕ? О, я выдержу любой перекрестный допрос — я в безопасности примерно с полудня 27 декабря 1919 года».

«Хотелось бы, чтобы вы начали свой рассказ с этого момента и довели его до наших дней».

«Но никакой истории нет — кроме истории моей жизни».

«Вот что я хотел бы услышать».

«Как я добился успеха? От места в парке до парламента?»

«Если вам так угодно».

Он рассмеялся. «В основном это сплошные грязные деловые подробности и семейные ссоры. И вы ведь не знаете эту

семью».

«Тем не менее, я бы хотел, чтобы вы мне рассказали. Попробка всё это изложить может даже помочь вам приблизиться к другому воспоминанию — если вы всё ещё испытываете к нему тревогу».

Я видела реакцию в его глазах, когда он снова вышел на свет.

«Так ты действительно думаешь, что память — это как у спортсмена: нужно постоянно тренировать её, брать на пробежки по пересеченной местности? Хм, в этом есть смысл. Когда начнём?»

«Теперь, если вы не слишком сонливы. Я не сонлив... Вернитесь на ту скамейку в парке в Ливерпуле».

«Но я же тебе об этом уже рассказывал».

«Скажите мне ещё раз. А потом продолжайте».

Так он и начал, и поскольку это довольно длинная история, лучше рассказывать её от третьего лица.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Он обнаружил себя лежащим на скамейке в парке. Открыв глаза, он увидел облака и промокшие деревья, а также почувствовал, как капли воды падают ему на лицо. Через некоторое время его положение стало казаться все более странным, поэтому он приподнялся, приняв сидячее положение, и тут же осознал промокшую одежду, окоченевшие конечности, ужасную головную боль и человека, склонившегося над ним. Первой мыслью было, что он, должно быть, был пьян накануне вечером, но вскоре он отбросил эту мысль, отчасти потому, что совсем не помнил прошедшую ночь, отчасти потому, что почему-то не считал себя подходящим молодым человеком для такой ночи, но главным образом из-за растущего интереса к тому, что говорил человек, склонившийся над ним. Это был какой-то бормотатый хор: «Верно, мистер, успокойтесь. Я вас почти не задел — вы поскользнулись на мокрой дороге. Не расстраивайтесь, мистер, кости не сломаны — с вами все будет в порядке — я бы не оставил вас здесь, не оставил бы, если бы не знал, что с вами все будет хорошо...»

Вскоре, услышав бормотание хора и убедившись в том, что его одежда была не только насквозь мокрой, но и испачканной грязью и порванной, ему пришла в голову другая гипотеза — что его сбила машина, водитель которой привёз

его в парк и теперь оставляет там.

Но ГДЕ? Его мозг отказывался отвечать, и при настоячивых попытках выдал мешанину воспоминаний, связанных только с войной: артиллерийский обстрел вызывал головную боль, сломанная нога — скованность движений, ничейная земля — всю грязь и дождь на свете.

Он поднялся, чувствуя головокружение, покачнулся и чуть не упал. Мужчина исчез, его нигде не было видно. Затем он заметил, что лежал на листах газеты. Он наклонился, чтобы снять один лист с сиденья, надеясь, что это даст какую-нибудь подсказку, но верхняя часть страницы, где должны были быть имя и дата, превратилась в неразборчивую кашу, а остальная часть быстро размягчалась под проливным дождем. Тем не менее, он вгляделся в нее, ища какое-нибудь полезное слово или фразу, прежде чем она окончательно распадется. Большая часть газеты, судя по всему, содержала новости о наводнениях и ущербе от них — спасение из вышедших из берегов рек, люди, застрявшие на верхних этажах, лодки на улицах и так далее.

Внезапно его взгляд упал на абзац под заголовком «В Германии по-прежнему царит эйфория» — один из тех шуточно-веселых пунктов, которые уставшие редакторы вставляют, чтобы заполнить странный уголок, — что-то о промокших насквозь праздничных толпах, находящихся утешение в мысли, что где-то кому-то живется еще хуже.

Любопытно, как собственное имя, или название дома, или

такое слово, как «рак», порой словно выпрыгивают со страницы, напечатанные красными чернилами. Так было и с молодым человеком, когда он, шатаясь, шел по пустынному парку к воротам, которые он видел вдалеке. Райнир Стилл в Германии — Райнир Стилл в Германии. Это был вызов, что-то, на что он должен был ответить; и ответ пришел. «НЕВОЗМОЖНО — я ЗДЕСЬ, читаю газету, и газета на английском — следовательно, это не может быть Германия».

Вскоре он прошел через ворота парка на оживленную улицу. По дороге проехал трамвай, забрызганный грязью на верхние окна и сметающий потоки воды с рельсов в водостоки. Сквозь брызги грязи и дождя было трудно что-либо разглядеть, но на борту проезжавшего трамвая он едва смог прочитать надпись: «Liverpool City Corporation».

Он шел вдоль высоких перил, пока парк не закончился и не начались магазины. Тем временем он шарил по карманам и находил деньги — монеты и несколько казначейских банкнот, всего более четырех фунтов. Дойдя до газетного киоска, он зашел внутрь и попросил газету.

«Почтой или курьером, сэр?»

«Это не имеет значения».

Передали бумагу. «Похоже, вы упали, сэр? Ужасно скользко после всего этого дождя... Хотите, чтобы я вас немного почистил?»

«Э-э... спасибо.»

«Да ты же весь промок — на твоём месте я бы как можно

быстрее добрался до дома и лег спать. Хочешь, я вызову тебе такси?»

«Нет, это не поможет. Я здесь не живу. Но если поблизости есть портной...»

«Две двери впереди, сэр. Он вам поможет. Скажите, что я вас послал».

«Спасибо.»

Он вышел, по пути мельком взглянув на газету. Он увидел, что дата — 27 декабря 1919 года.

Теперь он знал три важных вещи: кто, где и когда.

Два часа спустя Чарльз Райнер уже ехал на поезде в Лондон. Он принял горячую ванну и поел; одежда ему не очень подходила по размеру, но была сухой; и после того, как он быстро избавился от головной боли у прилавка аптеки, он почувствовал некоторое сонливое облегчение.

Рядом с ним лежало еще несколько газет и журналов. Поскольку был конец декабря, в некоторых из них содержались краткие изложения событий 1919 года; и поначалу они его очень удивили. Самым большим сюрпризом стало то, что война закончилась более года назад и завершилась полной победой союзников; это было удивительно, потому что последнее, что он помнил по этому поводу, заключалось в том, что союзники с такой же вероятностью могли проиграть. Но это воспоминание восходит к одной ночи 1917 года, когда он лежал в воронке от снаряда под Аррасом, полубред от боли в раздробленной ноге, наблюдая, как снаряд за снарядом про-

бывает вокруг него другие воронки, пока наконец не появился снаряд, который, казалось, соединялся длинным темным пульсирующим коридором с его головной болью тем утром.

Чарльз прибыл в Лондон ближе к закату, как раз вовремя, чтобы успеть на последний поезд, который должен был доставить его в Стуртон той же ночью. Поезд опоздал на станцию Файвоукс, которая является станцией для Стуртона и находится в трех милях от него, как известно любому, кто когда-либо получал письмо на бумаге, наклеенной на Стуртон. От Файвоукса он пошел пешком, потому что все такси были заняты еще до того, как он добрался до вокзала, а также потому, что он надеялся, что холодный воздух поможет избавиться от все еще не прошедшей головной боли. Он был рад, что, когда он сдавал билет на турникете, гасили лампы, чтобы кондуктор его не узнал.

Он понимал, что его возвращение неизбежно станет шоком, и едва ли знал, какое объяснение своему долговому и необычному отсутствию он мог бы дать кому-либо; он едва ли знал, какое объяснение мог бы дать самому себе. Его также смущало отсутствие радости в сердце при мысли о доме и знакомых лицах; больше, чем какое-либо волнение, его охватывало глубокое и невыразимое оцепенение души, оцепенение, пока еще безболезненное, но наполненное оттенком боли, скрытой и ожидающей.

Вскоре он свернул с главной дороги. Он помнил этот поворот и изгиб второстепенной дороги, ведущей через холм

к тому месту, где внезапно, при дневном свете, посетитель впервые увидел дом. Часто, будучи мальчиком, он встречал таких посетителей в Файвоуксе, надеясь, что, доехав до этого места, они не будут настолько поглощены разговором, чтобы пропустить этот вид.

Когда он наконец увидел это место, там не было ничего, что можно было бы увидеть, ничего, что можно было бы услышать, кроме уханья совы, ничего, что можно было бы почувствовать, кроме пронизывающего воздуха, дующего с возвышенностей.

Он был рад, что не отправил телеграмму, чтобы сообщить им о своем прибытии. Он воздержался, потому что чувствовал, что таким образом потрясение может быть сильнее, чем если бы он сначала увидел Шелдона, а также потому, что едва ли знал, сколько сказать в телеграмме; но теперь он увидел еще одно преимущество в том, что не отправил никакого сообщения — это на несколько дополнительных минут сохранило странное полукомфортное ощущение жизни только в первом лице единственного числа.

Ближе к полуночи он подошел к кованым воротам главного входа; они, конечно же, были закрыты и заперты, но в одном из соседних окон светилось свечение, и, приблизившись к небольшому квадратному домику, он увидел щель в занавеске, зажженную рождественскую елку. Странно, потому что он помнил Парслоу как скупого холостяка, который вряд ли стал бы тратить деньги на подобные вещи — если,

конечно, он не женился за это время; но еще более странной была мысль о том, что Парслоу женился!

Однако дверь для его настойчивых звонков открыл не Парслоу, а полураздетый незнакомец — средних лет, подзрительный, вызывающий.

«Ну что, молодой человек?»

«Я хотел бы подняться к дому, если вы меня пропустите».

«Мы никого не пускаем, пока вы не назовёте своё имя и название организации».

«Знаю, но понимаешь...» Он замялся, осознавая предстоящие трудности — его история, рассказанная холодно и без каких-либо подтверждений, прозвучит совершенно невероятно. Наконец он добавил довольно слабо: «Если бы Парслоу был здесь, он бы меня знал».

«Может быть, он бы и смог, но его здесь нет — он мертв уже пятнадцать месяцев. Вам лучше поторопиться, сэр, и вытаскивать людей из постели в это время».

Обращение «сэр» в любом случае было некоторым прогрессом; социальным признанием того, что, пьяный или трезвый, честный или мошенник, по крайней мере, у человека правильный акцент.

«Возможно, тогда я смогу увидеть Шелдона...»

«Вы не можете беспокоить и мистера Шелдона — особенно сейчас».

«Вы имеете в виду, что будет вечеринка?» (Конечно, будет — в Стуртоне всегда устраивались большие вечеринки на

Рождество и Новый год.)

Внезапно прозвучал вопрос: «Вы случайно не доктор Эстли?»

Чарльз уже собирался спросить, кто такой доктор Эстли, но передумал и поспешно, возможно, даже слишком поспешно ответил: «Да, это я».

Но хозяин гостиницы всё ещё подозревал неладное. Подойдя к телефону у самой двери, он завёл трубку, прислушался, а затем начал что-то неразборчиво бормотать. После этого он повернулся, чтобы позвать Чарльза войти. «Мистер Шелдон говорит, что хотел бы сначала поговорить с вами, сэр».

«Конечно. Я тоже буду рада провести время с ним».

Старый добрый Шелдон — не рискует. Голос на другом конце провода звучал безлично и настороженно. «Доктор Эстли? Вы пришли одни?»

Достаточно сказать лишь: «Шелдон, это не доктор Эстли — кто бы он ни был. Это Чарльз — ну, ты же знаешь, Чарльз».

«ЧАРЛЬЗ?»

«Чарльз, который был... О, Боже, я не хочу вдаваться во все эти подробности, но помните комнату для левшей?... ТОТ самый Чарльз».

«Мистер Чарльз?»

«Да-да!»

Долгая пауза. Затем: «Я... я приду... немедленно... если...

если вы подождёте меня там.»

«Хорошо, но прежде всего скажи что-нибудь этому парню — он думает, что я притворяюсь. Ничего ему не говори — просто скажи, что все в порядке».

Он передал трубку смотрителю гостиницы, тот взял её, немного послушал, а затем повесил трубку, выразив скорее недоумение, чем удовлетворение. «Что ж, сэр, вам лучше подождать здесь, раз уж так сказал мистер Шелдон».

«Спасибо. И, пожалуйста, поймите, что я вас нисколько не виню. Лучше перестраховаться».

Несколько успокоившись, мужчина пододвинул стул, а затем взял сигарету, которую ему предложил Чарльз. «Меня зовут Марш, сэр. Если вы друг семьи, то, конечно, знаете, что в этом году вечеринок не будет из-за болезни старого мистера Райнера».

«Болен? Нет, я... э-э... я этого не знал.»

«Поэтому я и подумал, что вы можете быть доктором Эстли. Это лондонский врач, которого они ждут».

«А что насчет Сандерстеда?»

«Доктор Сандерстед хотел проконсультироваться с доктором Эстли, сэр».

«Звучит серьёзно».

«Да, сэр, боюсь, что так. Конечно, он уже старик, уже немолод. Дело в его сердце».

«Где семья?»

«Все они здесь, сэр, кроме миссис Джилл и мистера Джу-

лиана».

«Где они?»

«По-моему, они возвращаются из-за границы, сэр».

Странно, что я постепенно прихожу к таким осознаниям. Больной был моим отцом, и всё же, каким-то образом, силы его эмоций иссякли, он не мог ответить на эту новость ничем, кроме усиления чувства оцепенения. Он продолжал задумчиво курить. Честно говоря, если подумать, Шелдон был тем человеком, которого он больше всего хотел увидеть... Марш продолжил после паузы: «Я мог бы угостить вас чем-нибудь, сэр, если хотите. Мистеру Шелдону потребуется как минимум двадцать минут, чтобы прийти в себя — все машины заперты, и идти пешком целую милю».

(Как будто он не знал, что это хорошая миля для пешей прогулки!) Он ответил: «Неплохая идея».

Марш сходил в соседнюю комнату и вернулся с двумя крепкими напитками. «Мне показалось, что вы немного бледноваты, сэр, поэтому я и предложил».

«Я что, бледная?»

«Совсем чуть-чуть, сэр. Или, может быть, дело в свете».

Чарльз подошёл к зеркалу неподалеку и на мгновение остановился, рассматривая себя. Да, у него был какой-то странный вид; можно было бы назвать его бледностью, если можно так выразиться. На самом деле, он чувствовал себя ужасно уставшим: уставшим после долгой и трудной поездки, уставшим после того удара по голове ранним утром,

установившим после чего-то ещё, что было трудно — невозможно — проанализировать. Он отпил виски и расслабился, почувствовав, как он его согревает. «Кстати, Марш, прошло уже некоторое время с тех пор, как я был здесь в последний раз... есть какие-нибудь изменения? Ты только что рассказал мне об одном из них, например, — смерть Парслоу. Что-нибудь ещё?»

«Вы имеете в виду сотрудников, сэр? Я здесь всего пятнадцать месяцев».

«Ну, персонал или... да что угодно». Он почти не любил задавать прямые вопросы.

«В доме произошли некоторые изменения, сэр, — возможно, вы это заметите. Мистер Райнер снёс старую бильярдную и построил две новые».

«Две новые бильярдные комнаты? Боже мой!»

«Ну, одна из них почти не используется. Там просто стоит стол, на случай, если кто-то захочет поиграть. И, конечно же, с тех пор, как мистер Райнер заболел...»

«Он болеет уже давно?»

«Шесть месяцев, сэр, примерно. Всё происходило постепенно...»

И так далее; так что, когда, наконец, раздался стук в дверь и Марш открыл ее, узнавание осталось безмолвным, сжатым в груди, почти без слов, пока они не остались наедине. Просто «Привет, Шелдон» — и «Добрый вечер!»

Оставив Марша в еще большем недоумении, они свернули

в темноту длинной извилистой подъездной дороги. Чарльз, находясь вне зоны слышимости, на мгновение остановился, нащупал руку другого и довольно неуклюже пожал ее.

«Прости, Шелдон, что я такой сентиментальный, но я так рад тебя видеть. На самом деле, сейчас слишком темно, чтобы тебя разглядеть, но у меня такое чувство, что ты выглядишь точно так же».

«Я... я пока не могу прийти в себя, мистер Чарльз, но... я... я хотел бы первым... поздравить вас!»

«Спасибо, хотя я не уверен, что слово „поздравление“ здесь уместно».

«Это так... невероятно... что ты снова с нами. Я с трудом в это верю...»

«Я тоже не могу, Шелдон, так что не расспрашивай меня подробностей. Всё, что я могу сказать, это то, что сегодня утром я был в Ливерпуле — и не спрашивай, почему именно Ливерпуль, потому что я знаю не больше, чем ты. Но у меня были деньги, а ещё ужасная головная боль от того, что меня сбила машина, может быть... это всё, что есть, да поможет мне Бог. До этого я ничего не помню с тех пор — с тех пор, как произошло много всего, чего я НЕ ХОЧУ помнить — война — лежать между линиями фронта под разрывающимися снарядами... много лет назад, я понимаю. Между тем и сегодняшним утром есть какой-то тёмный коридор — не спрашивай меня и об этом. Теперь нам с тобой нужно решить, как, так сказать, заново представить меня... Есть ка-

кие-нибудь идеи?»

«Если вы дадите мне немного времени, мистер Чарльз, я все еще доволен...»

«Знаю — »обманули« — так обычно говорила старая Сара».

«Как же необычно, что вы это помните».

«Что с ней случилось?»

«Она всё ещё живёт в деревне. Конечно, она очень слаба».

«Бедная старушка... И очень жаль, что случилось с парс-лоу — как это произошло?»

«Пневмония после гриппа. Очень внезапно. Примерно год назад у нас была довольно сильная эпидемия».

«Новый сотрудник, кажется, в порядке».

«Марш? Ах да. Раньше я был одним из садовников».

«Я его не помню... Боже, зачем мы все так сплетничаем?»

«Именно об этом я и думал, сэр, потому что есть вещи поважнее, о которых я должен вам рассказать. Боюсь, вы застанете дом в довольно плачевном состоянии...»

«Знаю. Понимаю, что не мог появиться в более неловкий момент — в каком-то смысле. Гораздо лучше бы пришел, когда тихо — никого нет...»

«Вы имеете в виду семью?»

«Ну да, есть небольшая проблема: как им об этом сообщить».

«Нам придётся с этим смириться, сэр».

«Им приходится с этим мириться, вы имеете в виду?»

«Естественно, они будут рады вас видеть, как только опра-
вятся от... неожиданности».

«Удивление от осознания того, что я всё ещё жив?»

«Ну, после такого перерыва и без каких-либо новостей...»

«Я знаю. Ради Бога, не думайте, что я кого-то обвиняю».

«Позвольте мне сказать, сэр, от своего имени...»

«Знаю, знаю, и я благодарна — думаю, это было чудес-
но, как ты держала голову перед Маршем. Конечно, он скоро
узнает, как и все остальные, но я рада, что ты отложила...
э-э... это ощущение. Забавно... когда я хотела сказать что-
то по телефону, что дало бы тебе понять, что я искренна, и
при этом ничего бы для него не значило, единственное, что
приходило мне в голову, это «Комната для левшей» — пом-
нишь, как мы ее так называли, потому что дверь открывалась
в другую сторону?»

«Вы очень хорошо помните те дни, сэр».

«Поэтому это явно похоже на... как фары на дороге в тем-
ную ночь. Слишком явно, то есть... все немного не в фокусе.
Думаю, все наладится».

«Надеюсь, сэр».

«Ну, давайте не будем об этом говорить... У нас есть дру-
гая проблема, которую нужно решить, и я предлагаю то, что
мы всегда говорили в детстве — оставьте это Шелдону».

«Я тоже собирался это предложить».

«Ну, пожалуйста, как вам угодно. А пока, если вы найдете
мне спальню где-нибудь в стороне от проторенных дорог, я

хорошо выплусь, прежде чем поклониться за завтраком».

«Боюсь, что мистер Райнер в последнее время не спускается к завтраку».

«Знаю, Марш сказал, что болен. Мне очень жаль. Лучше расскажи ему поосторожнее — я имею в виду, не переживай из-за шока». Он поймал взгляд Шелдона и понял его. «Не волнуйся обо мне, Шелдон, — я знаю, ты думаешь, что я веду себя не по плану, но ничего не могу поделать — я слишком устал, чтобы сегодня вечером встречаться с кем-либо».

После паузы Шелдон ответил: «Сомневаюсь, что существует какая-либо формула для того, что вы, должно быть, чувствуете, мистер Чарльз. Я мог бы предоставить вам кровать в своих апартаментах, если это вас устроит».

«Отлично... Слава богу, что-то уладилось... В последнее время у нас хорошая погода?»

«Вполне справедливо, сэр, для этого времени года. Я заметил, что барометр поднимается».

«Хорошо. Сегодня утром в Ливерпуле шел дождь».

Он спал тяжелым, беспокойным сном, полным снов, которые не мог объяснить, но которые оставляли его в смутном беспокойстве и неудовлетворенности. Декабрьский солнечный свет разбудил его, лясь на кровать; он огляделся, гадая, где он находится, а затем вспомнил. Но он не мог узнать комнату — где-то в крыле для прислуги, предположил он, и подтвердил это, прислонившись к окну. Центральный корпус Стуртона величественно предстал перед ним через двор

— там была терраса, большие изогнутые окна столовой, восточное крыло с угловой башенкой. Это зрелище нашло отклик в его сознании — словно он увидел знакомое место и решил, что оно довольно похоже на открытки... Он все еще размышлял, когда вошел Шелдон с подносом.

«Доброе утро, мистер Чарльз. Я принёс вам чай».

«Спасибо.»

«Показатель продолжает расти. Хорошо ли вы высыпались?»

«В целом неплохо. Который час?»

«Восемь часов. Обычно семья начинает спускаться около девяти, но, возможно, сегодня утром — мы довольно поздно легли спать, понимаете... с другой стороны, они могут волноваться...»

«Понимаю. Никогда нельзя быть уверенным в том, как отреагируют люди, не так ли?»

«Нет, сэр».

«Тебе следовало взять с собой дополнительную чашку. Садись и расскажи мне всё. Во сколько ТЫ лёг спать? Ты выглядишь измотанным».

«Честно говоря, я вообще не ложилась спать. Было столько дел — мне нужно было поговорить с доктором Сандерстедом, — а потом еще и ваша одежда — я думаю, вы вряд ли захотите ее снова надеть».

«Нет?»

«Я позволил себе одолжить костюм у мистера Четвин-

да...»

«Послушай, забудь обо всем этом — давай сначала разберемся с главными делами. Ты им всем рассказал?»

«Не ваш отец, сэр, — но я сказал остальным».

«Как они это восприняли?»

«Они, естественно, удивились — поначалу им было трудно мне поверить».

«А потом?»

«Ну, полагаю, в конце концов они мне поверили. Они рассчитывают увидеть вас за завтраком».

«Хорошо... но вы говорите, что еще не сказали моему отцу?»

«Именно поэтому я и пошёл к доктору Сандерстеду — чтобы попросить у него совета».

«Ах да, конечно. Ты всегда думаешь о разумных вещах, Шелдон».

«Его несколько беспокоило то, что он может напугать пожилого джентльмена, — он говорит, что хотел бы сначала поговорить об этом с вами».

«Хорошо, если он так скажет».

«Я также позволил себе позвонить мистеру Траслову».

«Truslove?»

«Мне показалось, что... э-э... его тоже следует как можно скорее проинформировать».

«Ну, может быть, это тоже разумно, хотя мне это и в голову не приходило... А как насчет ванны?»

«Я уже жду тебя — если ты пойдешь за мной».

«А что будет со слугами, если я кого-нибудь из них встречу?»

«Они пока ничего не знают, кроме Уилсона и Лукаса — я созову остальных утром и им скажу. А мистер Траслов будет здесь на обед — вместе с доктором Сандерстедом и доктором Этли из Лондона».

К тому времени они уже стояли у двери ванной. «Довольно элегантно, Шелдон — новинка с тех пор, как я здесь, не правда ли?»

«Да, сэр».

«Из чего я делаю вывод, что семейный доход остается... э-э... не таким уж плохим?»

Морщинистая улыбка. «Как барометр, сэр, — продолжает расти...»

Он принял ванну, выкурил сигарету и надел одежду, которую приготовил для него Шелдон. Коричневый твид — Чет всегда предпочитал его, и он ему хорошо подходил — в детстве они с Четом обычно носили костюмы друг друга. И галстук «Нетертон» — Шелдон всегда продумывает детали. НЕТЕРТОН; и вдруг на него обрушилось целое облако воспоминаний: надевание крикетных щитков перед павильоном; клубника со сливками в буфете; солнечные лучи, проникающие в часовню во время воскресных служб; горячий какао, дымящийся над газовой горелкой кабинета зимой; запах грязи и человеческих тел в регбийной схватке... Нетер-

тон. А потом Кембридж. А потом кадетская школа. А потом Франция. А потом... точка... Он взял себя в руки, отводя мысли от преграды, мягко уводя их в ближайшее будущее. Он обнаружил, что лучше всего может это сделать, применив сардонический настрой самоутверждения: «Пойдемте — брюки, жилет, галстук, туфли, пальто — застегните пуговицы для большой семейной встречи». «Все на борт «Скайларка»!» — эти слова заставили его вспомнить каникулы с матерью в детстве, никогда не с отцом; отец всегда был слишком занят. Они снимали дом в Брайтоне, на площади Регентства, брали с собой слуг — мисс Понсонби и горничную по имени Флори, и каждое утро шли вдоль набережной, не доходя до Портслейда, так неизбежно возвращаясь обратно, что Портслейд стал для него своего рода таинственным местом, недоступным для человека, — пока однажды днем, когда его мать спала, он не сбежал из дома и не добрался до Портслейда бесстрашным, но несколько разочарованным исследователем.

«Надеюсь, эта одежда пока подойдет, мистер Чарльз».

«Всё хорошо — просто немного болтается спереди. Чет, должно быть, набирает вес.»

«Я поговорю с мистером Мастерсом сегодня. У него есть ваши старые замеры, но, возможно, будет безопаснее, если он приедет к вам снова».

«Уверен, стало намного безопаснее. Думаешь, я сильно изменился, Шелдон?»

«Внешне — нет, сэр. Вы выглядите очень подтянутым».

«И все же разница все-таки есть?»

«Возможно, в вашей манере. Но это естественно. Это нервное напряжение, которое вполне понятно после всего, что вам пришлось пережить».

«Я бы лучше поняла, что мне пришлось пережить. Но неважно. Пора завтракать».

Он прошел через двор и вошел в дом с террасы. Никого еще не было; как обычно, недавно зажженный камин горел, привычные синие языки пламени источали легкий запах метилового спирта из-под медной посуды. На маленьком столике лежали «Утренняя почта» и «Таймс». На коврике у камина сидел кот — новый кот, который равнодушно поднял голову, а затем продолжил свои дела. Уилсон стоял у посуды, изо всех сил стараясь вести себя так, будто возвращение давно потерянного сына — обычное явление в английском доме.

«Доброе утро, мистер Чарльз».

«Доброе утро, Уилсон».

«Что я могу вам предложить, сэр? Кеджери — или ветчину с яйцами — копчёную сельдь — почки...»

«Допустим, я посмотрю».

Он немного смягчил своё смущение, наложив себе еду сам. Он знал, что Уилсон, должно быть, всё время смотрит на него. Неся тарелку обратно к столу, он сказал: «Что ж, рад вернуться». Это было бессмысленное замечание — дань

уважения условностям, которые не совсем подходили, как одежда Четвинда, но на время сошли бы.

«Да, конечно, сэр. Очень рад снова вас видеть».

«Спасибо». И он открыл «Таймс», сухие и помятые страницы вызвали у него очередное воспоминание. «Ты всё ещё греешь газету у камина, Уилсон?»

«Да, сэр. Мне всегда приходилось так делать, когда мистер Райнер приезжал — наверное, это уже стало привычкой».

«Странно, что большие вещи всегда ассоциируются с маленькими. Я же вспоминаю всё своё детство по запаху подгоревших типографских чернил».

«Да, сэр».

Он ел ветчину с яйцами, просматривая внутреннюю страницу новостей. Проблемы в Европе — обычная балканская путаница. Проблемы в Ирландии, и это тоже было обычным делом — британские офицеры убиты. После праздников газета почти не издавалась — никогда и не издавалась. Обычная болтливая передовая статья о Рождестве, полная латинских цитат и учительской иронии — старый добрый «Таймс». Длинное письмо от кого-то, выступающего за упрощенное правописание — Боже, неужели они до сих пор этим занимаются? Теперь, когда война закончилась, казалось одновременно обнадеживающим и каким-то разочаровывающим, что Англия подхватила так много старых нитей и сплетает их в один и тот же узор.

Затем Четвинд, старший из братьев, начал процессию.

«Привет, старина, как дела?»

(Какая странная фраза! Но всё же, что ещё?)

(Его бывшая гувернантка, мисс Понсонби, однажды заклинала его: когда люди спрашивают: «Как дела?», правильный ответ — «Как дела у ВАС?». Если вы говорите им, как дела у вас, вы показываете себя человеком низкого происхождения... «Но предположим, мисс Понсонби, — однажды спросил он, — что вы действительно ХОТИТЕ знать, как дела у другого человека, разве он никогда не должен вам об этом рассказать?»)

Однако он ответил: «Привет, Чет. Как дела?»

«Хочу представить вам мою жену, Лидию... Лидия... это Чарли».

Крупная, привлекательная женщина с маленькими, довольно враждебными глазами.

А затем появилась Джулия, поправившаяся по сравнению с тем, какой он видел ее в последний раз, но все та же загорелая, как пугало, — с красным цветом лица, полная чопорной, выносливой натуры.

«Привет, Чарльз! Шелдон нам ВСЁ рассказал, и это просто невероятно. Я не могу тебе передать, как...»

Но затем, когда он поцеловал ее, огонь погас, как мокрая спичка, и ни один из них не знал, что сказать. Он и Чет чуть не столкнулись в своем стремлении подать ей еду; Чет опередил его; он откинулся на спинку стула.

«Почки, Юлия?»

«Пожалуйста, Чет, приготовьте только яичницу-болтушку».

«Даже кусочка бекона нет?»

«Нет, правда, Чет».

«Есть какие-нибудь новости об отце сегодня утром?»

«Когда я спускалась, я увидела одну из медсестер — она сказала, что он довольно хорошо провел ночь и чувствует себя примерно так же, как и раньше».

«О, отлично... Ты уверена насчет бекона, Джулия?»

«Совершенно точно».

«Чарльз, а как же ты, пока я здесь? Кажется, у тебя не так уж много дел».

«Больше мне ничего не достанется, спасибо».

«Ну, значит, теперь моя очередь, и я не стесняюсь признаться, что голоден. Захватывающие события всегда приводят меня в такое состояние... Жаль, что отец болен — мы бы устроили вечеринку или что-нибудь подобное, чтобы отпраздновать».

«Мне жаль, что он болен, но уверяю вас, не по этой причине».

«Нет? Ну...» Чет подошел к столу со своей тарелкой, намеренно задержавшись у буфета, пока не услышал приближающиеся голоса. Теперь он поднял голову, словно удивленный. «Доброе утро, Джордж... Доброе утро, Бриджит...»

Джордж, с нервной улыбкой на пухлом лице с усами; Бриджит, младшая в семье, милая и застенчивая, всегда готовая

улыбнуться, если на нее посмотреть или если она думает, что вы собираетесь на нее посмотреть. Жена Джорджа, Вера, и муж Джулии... здесь необходимо представить: «Чарльз, это Дик Фонтвелл» — «Ахдеду, ахдеду» — высокий длинноно-
сый мужчина, который выплеснул все свое смущение в креп-
кое рукопожатие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.